

Дмитрий Коробков
Финики

Рассказы и повести

Дмитрий Коробков

Финики. Рассказы и повести

«Издательские решения»

Коробков Д.

Финики. Рассказы и повести / Д. Коробков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937852-1

В этом сборнике рассказов и повестей собраны произведения разных жанров. Рассказы о любви и увлечениях. Повествование из больничной палаты человека, впервые оказавшегося в лечебном заведении. Фантастика и мистика. Юмористическая проза и иронический детектив, включающий в себя три рассказа об инспекторе Мокрэ. Ужасающий триллер, хоррор и философские размышления. Повесть о преданном и любимом друге. Очерк. А калейдоскоп миниатюр на разные темы сменится интересными сказками для детей и взрослых.

ISBN 978-5-44-937852-1

© Коробков Д.
© Издательские решения

Содержание

Подземка	6
Красная река	10
Финики	16
На картошку!	20
Лето, море, бабуин	24
Прости меня, Маринка	29
Новогодний выбор	32
Она	36
Букет Абхазии	38
Одна ночь	42
Снегурочка	47
Хирургия	53
Часть 1. Реанимация	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Финики

Рассказы и повести

Дмитрий Коробков

© Дмитрий Коробков, 2019

ISBN 978-5-4493-7852-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подземка

По статистике, в сутки из метро выходят на одного человека меньше, чем туда спускаются.

Последний день командировки, был полностью свободен. «Уже не первый раз собираюсь посетить Новодевичий монастырь, – думал я про себя, – наверное, с тех пор, как услышал, про его фрески, в фильме «Покровские ворота». На прилегающем к монастырю кладбище, слышал, похоронено много известных людей. От дочери Ивана Грозного, – Анны, до Бориса Ельцина. Однако всё было недосуг. Но вот, наконец, закончил все свои дела раньше на целые сутки, которые теперь в полном моём распоряжении.

Позавтракал и, воодушевлённый предстоящим приобщением к прекрасному, я вышел из гостиницы. «Хороший сегодня денёк, – отметил про себя, – даже не хочется спускаться в подземку. Газетку взять, что-ль от скуки? Нет, от неё только все руки чёрные будут. Чем они их печатают? Да, и какая скука? Не успею поскучать! Станция „Спортивная“, совсем рядом. Надо только не перепутать выходы, как в прошлый раз. Выскочил из-под земли, к Лужникам, и проболтался по вещевому рынку добрую половину дня. Устал, потратился, и ничего прекрасного: ни фресок, ни могил Гоголя с Булгаковым, ни денег». Вот уже слышу: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция, „Спортивная“». Двери вновь закрылись, и поезд, с нарастающим гулом увлёк меня в тоннель. Свет в вагоне, моргнув пару раз, погас. Следующую минуту, я прибывал в полной темноте подземного транспорта. Впереди стал проглядывать лёгкий свет, и состав выскочил на платформу станции.

«Станция: „Спортивная“», – объявил голос из динамиков вагона. Я вышел на платформу. Двери захлопнулись за спиной. Поезд скрылся в чёрной дыре лабиринта метрополитена.

«Какая-то не такая станция, – лёгкое сомнение озадачило вопросом, – я бывал здесь прежде. Кажется, здесь присутствовал сводчатый потолок? Да, однозначно, «Спортивная» – просторная станция, с высокими сводчатыми потолками. А здесь, серые столбы, низкий потолок. На стене написано: «Спортивная»! Ну, значит всё правильно. Что-то я с утра плохо соображаю. Выпил, конечно, вчера, на сон грядущий, так ведь я в командировке. Нет, даже не выпил, а допил, остаточки, грамм двести... Ладно, пойдём читать таблички. «Выход, на улицу Гагарина»... Мне это совершенно ни о чём не говорит. Выйду на улицу – там разберусь»¹.

Поднялся вверх, вышел. Смотрю, и вижу, что ничего не понимаю. «Или всё так сильно изменилось, или я тут ещё никогда не был. А если не узнаю, значит, правильно вышел, – подбодрил я сам себя, – раз нет дороги к стадиону, значит, будет монастырь».

– Девушка, извините, монастырь в какую сторону?

– Я не знаю, – смущённо ответила прохожая.

«Ну да, приезжая, – рассудил я, – вот бабулька, наверняка местная».

– Бабушка, добрый день! Монастырь, женский Новодевичий, в какую сторону?

– Не знаю, милоч. Тут ближайший женский, – Пророка Илии...

– Нет, мне не пророка, – перебил я её, – он на реке, бабушка, женский?

– А тот, что на реке – Иверский женский монастырь, прямо через Аврору, но тут далеко будет...

– Так... Какую Аврору? Бабуля, мы ж не в Питере, мы в Москве!

– В Москве? Ты бы проспался, сынок! Негоже в храм божий в таком виде ходить. Ай-йай-йай, с утра-то так! Прилично одетый...

И расстроенная бабушка, качая головой, направилась восвояси.

«Так. Щас я не понял... Аврора!? Бабулька явно не в себе! Нашёл, у кого спрашивать». Я закурил, и бодро подойдя к серьёзному мужчине, решил задать провокационный вопрос:

– Подскажите, к «Авроре», в какую сторону идти?

Он огляделся, и махнул рукой в сторону, указанную бабушкой.

– О, как?! – озадачился я не на шутку, – там что, крейсер «Аврора» стоит? – продолжил я осторожно, видя, что дядька не торопиться.

– Какой крейсер? Улица Авроры там! Ты пьяный, что ли?

– Я бы выпил, кажется, но мы в Москве?

Мужчина хмыкнул, и закончил беседу без объяснения причины.

«Я сейчас где? – забеспокоился я не на шутку, – самый актуальный вопрос. Курить больше не хочу, выпить нельзя, меня и так за алкаша тут все принимают, и не разговаривают. Надо как-то схитрить, чтобы не выглядеть полным идиотом. Есть город, – значит должен быть вокзал. А в Москве их вообще полно! Будем придерживаться твёрдого убеждения, что я в Москве! А где же ещё? Просто, что-то перепутал в метро, вон их там сколько, станций всяких. Я не выезжал из города? Нет, – это главное!»

– Простите, пожалуйста! – обратился я, к следующей прохожей, – я турист. Отстал от группы. Подскажите, будьте так любезны, какой вокзал тут поблизости?

– А у нас в Самаре, один...

– В Самаре???

– ... да, прямо в сторону Авроры, да вы на метро можете одну остановку проехать, до «Гагаринской», а там спросите. Вам, в направлении Волги, – и женщина юркнула в подземку.

«В Самаре...! Это какой-то розыгрыш? Я помню географию... Я ведь ещё в своём уме? Должен быть! Ну, выпил вчера... Умеренно. Я не напился, нет! В любом случае, вышел из московской гостиницы, есть квитанция. Спустился в московский метрополитен имени Ленина. Нет, совсем не соображается. Мне бы на воздушный шар, что ли... Не знаю, зачем? Но так ведь и здесь, я тоже, не зачем. Самара, – и запел себе под нос: – Ах, Самара – городок... – вот только песен мне не хватало? Ладно, пойду в метро, проеду до „Гагаринской“, к вокзалу. Там по дороге может, что-то да прояснится... Будет видно!»

Ошалевший, оттого, что ничего не могу понять, я спустился в метрополитен, и зашёл в вагон, направлявшийся в нужную сторону. Поезд тронулся. В вагоне, снова стал мерцать свет. «Станция: „Гагаринская“», – объявила магнитофонная запись.

«Металлическая станция в полумраке. Нержавеющий антураж, вероятно должен ассоциироваться с космическим кораблём. Маленькие лампочки на потолке, – звёздное небо. Рассматривать некогда, пора на улицу. Выход, на Красный проспект. Красный? А где улица Гагарина? Где Авроры? Намешают, блин, аж прохладно стало. Так, вон по улице, группа подростков идёт. Найдётся среди них кто-то, разговорчивый, да смыслённый...».

– Юноши, это Самара, – начал я утвердительно, издали.

– Ну, ты даёшь, дядя! – удивился один.

– Чё вчера отмечали? – поинтересовался другой юноша.

– Не понял, – замотал головой я, – вот этот город, как называется?

– Смотри, из «Иронии судьбы» к нам прикатил, – засмеялись ребята, – не, он вроде не пьяный.

– Не парься, дядя, – Новосибирск! – подвёл черту первый из ребят, и компания заторопилась в подземку.

«Новосибирск... Во-о-о, блин, похолодало-то как... Стоп. Я проснулся, побрился, помылся, позавтракал. Дошёл до метро. Покурил, спустился в метро. Поехал. Самара. Новосибирск. Я дурак, или где?»

– Извините, девушка, – кинулся я, к следующей жертве своей викторины, – я, в Новосибирске впервые. Совсем потерялся. Это центр города, или окраина?

– Почти центр. Пару остановок не доехали, до «Площади Ленина».

– А достопримечательности на Ленина, есть?

– Да, музей государственный Новосибирский, дальше собор Александра Невского, вокзал речной, на Оби,...

«Я уже отключился, и не слышал приветливую девушку. Мой мозг отказывался воспринимать информацию. Наверно, это сон. Ведь бывало раньше, ещё в детстве, что я, будучи во сне, понимал это, и легко мог дразнить дракона, зная о его беспомощности и своей безнаказанности. Это должно быть сном, ведь иначе, я – чокнулся!? Так, или иначе, на Оби, мне действительно бывать не приходилось. Этим надо воспользоваться, хотя бы даже во сне, или в чём я ещё там пребываю...» Девушка закончила говорить, может, и говорила, я не заметил, как мои ноги медленно спускали одурманенное тело в метро. «Площадь Ленина», так площадь Ленина».

Двери закрылись. Вокруг зашумело, замерцало, покатило. Пустой взгляд уткнулся в надпись «Не прислоняться». Я зажмурился. «Не хочу ничего видеть. Может, открою глаза, и всё встанет на свои места»? Слух поймал информацию, о площади Ленина. Я вышел на платформу. Открыл глаза. Большая, яркая станция, вот только от меня удалялся не вагон метро, а вагон трамвая. Лавочка, вот она, не упасть бы на мраморный пол. Тепло, даже жарко. Где я? То, что не в Новосибирске, я даже уже, и не сомневался. Пойти перекурить надо, это дело. Лёгкая тошнота подкралась к горлу. «Значит, до Оби я, тоже не добрался. Однако...» Выйдя, я стал осматриваться. Река есть. Повернулся вокруг себя. «Э-э! Да здесь и спрашивать не надо! – глупо обрадовался я, – во всяком случае, уж не буду выглядеть пьяным идиотом, в глазах прохожих. Монумент „Родина – мать“, возвышающийся над рекой, сообщил мне точное географическое местоположение. И река – Волга. Пора, кажется перекусить. Прикольный сон, где вдруг, так сильно, до тошноты, захотелось есть». Я заглянул в один из близлежащих магазинов, купил себе съестного, и бутылочку хереса. Выпить всё-таки решил. «Крепкие напитки, – навредят, а так – смазать остатки сознания в голове, – необходимо!» Было совсем тепло, почти жарко, и я спустился к Волге. Нашёл укромное местечко, где можно спокойно закусить, и выпить хересу, глядя на накатывающуюся волну. Кто-то купается. «Интересный денёк сегодня выдался... Мне надо снова посильнее зажмуриться в этом трамвае. Только бы с выбором станции не промахнуть. Всё, допивать не буду. Закуска, тоже осталась, – много купил от волнения. Ладно, кто знает, куда меня ещё занесёт? Уеду, в какую-нибудь...»

Вернулся на станцию. Смело шагнул, в прибывшую сцепку трамваев. Зажмурился, что было сил. «Алкоголь, в умеренных дозах, не может навредить нормальному человеку. Следующая станция: „Комсомольская“, такая, и в Москве тоже есть. Туда! „Комсомольская“».

Вышел. Стою, боясь открыть глаза. Слышу: «Осторожно двери закрываются. Следующая станция...» и шум уходящего поезда. «Ну, это точно не Волгоград. Но кажется, и не Москва. Там на «Комсомольской», сразу три вокзала. Народу должно быть немерено, а тут затишье. Надо открыть глаза. Страшно. Открываю. Станция метро, колонны, не Москва! И где я? Что ж мне, ещё стакан хереса, и в Петушки, за Венечкой?² Хотя, для этого, в Москву бы сначала попасть нужно». Смотрю: не Париж, не Лондон, там «Комсомольских» станций, пока нет! Пойдём знакомиться с этим городом, или сразу в другой вагон? Нет, надо на улицу, перекурить очередное перемещение, может быть в этом, и есть магия моих скитаний»? Вышел на улицу. Промзона какая-то...

- Товарищ! А что, река тут близко есть?
- Ока, километра два – три будет.
- Понятно. Значит, город на Оке?
- Скорее, – на Волге.
- А я был уже сегодня, на Волге! – глупо улыбнулся я.
- А я, ещё нет, – ответил прохожий.
- Я, в Самаре был!
- Молодец!

Я понял, где нахожусь, и это меня даже позабавило. Во всяком случае, отсюда до Москвы, – одна ночь поездом. Как-то я, уже приезжал в этот город, на Ярмарку, Нижегородскую Ярмарку. «Ну, что теперь, пешком, по проспекту Ленина, напрямик к Московскому вокзалу? Или может допить, и покуражиться, – снова в подземку? Ну, в монастырь, я уже точно сегодня не попаду. Фрески, и могильные надгробия знаменитостей останутся не осмотренными, в очередной раз. Будь, что будет, – решил я, – устраиваясь на приглянувшейся лавочке». Покончил с остатками съестного, и напитком. В пачке оставалась последняя сигарета. «Налегке, так налегке»! Я аккуратно сложил весь мусор в урну, докурил, и пошёл к метро. Спустился вниз, читаю: «Автозаводская», «Пролетарская»,...

«Вот, – „Пролетарская“ подходит. Такая, и в Москве есть, и в Питере. Поехали...»

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция:...»

- 1. – Все названия и облик станций метрополитенов разных городов, улицы и расположение городских объектов – подлинны.*
- 2. – Венедикт Ерофеев, «Москва – Петушки», поэма в прозе.*

Красная река

Стены длинного больничного коридора проносились мимо её глаз. Каталка дребезжала, отзываясь на каждый стык кафельного пола, аккомпанируя встревоженным голосам врачей. Боль становится нестерпимой.

– Скорее! Готовьте родовую!

Катрин была подобрана на улице бригадой врачей. Неизвестные сообщили о беременной женщине, сидящей в луже околоплодных вод. Её незамедлительно доставили в ближайшую больницу. На вопросы врачей женщина почти не реагировала. Раздевали её прямо в коридоре на ходу по-пути в палату. Каталка стремительно заехала в родовую, и Катрин переложили. Скупые переговоры медиков периодически заглушались неистовыми криками роженицы. Натянутые жилы с вздутыми венами превращали лицо и шею женщины в нечто страшное.

– Большой ребёночек...

– Что тут у неё?

– Выпадение пуповины!

– Анестезиолога, срочно! Общий наркоз! Готовить к операции! Будем делать кесарево сечение.

Сознание Катрин стало постепенно мутнеть. Боль отступала... Перед её глазами стали появляться цветные картинки, словно обрывки старой киноплёнки. Старой, потому, что этот фильм она уже видела. Только прежде, Катрин смотрела на происходящее как участница и исполнительница главной роли. Она и сейчас исполняла в этом фильме свою главную роль, но только теперь смотрела на всё происходящее с ней со стороны, как бы из зрительного зала. Странное, необъяснимое чувство – видеть себя со стороны, все свои поступки и действия, но абсолютно ничего не ощущать при этом и не иметь никакой возможности хоть как-то вмешаться в происходящее, повлиять на ход событий. Зритель, только зритель...

Как, почему она вдруг вновь оказалась в Андалусии? Всё здесь было узнаваемо для Катрин. Леса, земля, изрытая множеством карьеров и шахт. А вот и река со своими изгибами. Её отмели и глубоководные участки карьерных разработок. Открытая и потаённая в пещерах от посторонних глаз. Странная, удивительная, манящая, но очень опасная река Рио Тинто.

Более трёх тысячелетий несёт она свои тёмно-красные воды из глубины Испании к Атлантическому океану. Иберы и тартесианцы когда-то обнаружили здесь железо и медь. Финикийцы, мавры, греки, римляне и вестготы также не давали покоя этой земле. Впоследствии на берегах Рио Тинто кроме руды, добывали золото и серебро.

Эти сложные по химическому составу воды кажутся безжизненными. Высокая кислотность, казалось бы, препятствует любой форме существования живых организмов в этой реке. Действительно, рыба здесь не водится, в ней так же нельзя купаться, как бы не было жарко, в этих водах нельзя мочить даже ноги.

Но Катрин знала, что река не безжизненна. Она чувствовала эту жизнь так, как никто другой. Недаром красная река привлекает к себе множество туристов. Здесь кажется, что пред глазами предстают не испанские пейзажи, а панорамы неизведанных инопланетных уголков. И почему-то именно здесь несколько лет тому назад был найден минерал, аналогичный добытому на Марсе. Может быть неспроста ландшафты Рио Тинто столь схожи с марсианской поверхностью, или другой, пока ещё неизвестной планеты? О таких местах всегда говорят что-нибудь связанное со злыми духами или нечистой силой. Даже когда можно найти логическое объяснение того или иного явления, от подобных мест неизменно советуют держаться подальше. Однако, для некоторых людей, это лишь дополнительный стимул посетить таинственный уголок.

Катрин, тоже поддавшись искушению неизвестной опасности, решила непременно побывать на берегах красной реки.

– Пусть это будет нашим свадебным путешествием, – неожиданно заявила она Полю.

– Но мы хотели провести медовый месяц в Барселоне, – попытался он возразить своей невесте.

– А я не хочу медовый. Я хочу терпкий, или даже с перчиком, – загадочно-вкрадчиво произнесла Катрин, заключив своего жениха в сладостном объятии.

Против такого аргумента Поль не мог возражать. Настойчивая и волевая Катрин, практически все касающиеся их обоих решения принимала самостоятельно.

Совершить этот свадебно-туристический вояж они решили только вдвоём. Ей не хотелось ходить гуськом за проводником экскурсионной группы – теряется кураж, недостаточно адреналина, тем более что «у молодожёнов могут возникать всякие нескромные желания, которым лишние зрители не нужны». Этот довод окончательно решил все сомнения Поля.

Они приехали в провинцию Уэльва с рюкзаками и палаткой, надеясь самостоятельно спуститься вдоль Рио Тинто до её сливания с рекой Одьель. За свои двадцать семь лет девушка неоднократно совершала туристические походы. Поль был почти новичком. То есть, когда-то в детстве он выбирался на природу с рюкзаком и палаткой, но столь длительных и серьёзных походов в его жизненном опыте ещё не было. К этому они готовились вместе. Катрин взяла на себя все технические вопросы, а Поль изучал литературу по данному региону.

И вот они в Испании, на берегу самой необычной реки во всём мире.

Катрин из больницы хотелось остановить их, – себя и Поля, тех на «экране» своего видения. Она смотрела на происходящее, кричала, плакала, в своем наркотическом сне, но всё было тщетно. Её действия никак не могли повлиять на события недавнего прошлого. Та Катрин и Поль её не видели и не слышали.

Молодожёны поставили палатку. Перекусили, разогрев воду для кофе на газовой горелке. Катрин достала из полевой сумки карту с заранее намеченным маршрутом, стоянками с источниками питьевой воды. Поль проверял объективы для фотоаппарата. Удовлетворённая правильностью своих действий, она достала сапоги.

– А купальник? Или ты будешь в одних сапожках? – поинтересовался новоиспечённый муж.

– Я не собираюсь там купаться. Ты не забыл, что это за река, или сразу решил овдоветь? У меня нет наследства, не надейся...

– Нет. Просто решил сделать несколько художественно-эротических снимков. Ты сама мне обещала, помнишь?

– Я не это тебе обещала, извращенец, – она игриво улыбнулась, обняла Поля, повалив его на траву.

– Что извращённого в фотографиях прекрасной девы? – вымолвил он по окончании сладостного поцелуя.

– Девы?! Что ж, я подумаю, – она села, кокетливо поведя плечом, – пока пойдём с речкой поздороваться.

Картина, представшая их взору, буквально околдовала молодых. В голове стало проноситься множество мыслей, словно врывающихся в сознание вместе с увиденными пейзажами. Такого скопления сказочных сюжетов, собранных кем-то в одном месте, поражало. Здесь можно было увидеть и волшебную речушку из фруктового компота, мирно струящуюся по низине и нежно омывающую округлые камешки. Но, повернув голову в сторону, какой-

то необъяснимый ужас вдруг начинал сдавливать внутренности. Сковывающее оцепенение рисовало совсем иные картинки. Перед глазами появлялся кровавый поток. Глубина водоёма делала воду густого багрового цвета. А неспешность течения создавала иллюзию вытекающей крови из огромной раны.

- Артерия, – почти шёпотом вымолвила Катрин.
- Что? – переспросил Поль.
- Реки называют «артериями Земли», – с задумчивостью проговорила она.
- Ты подойдёшь к реке?

Катрин молчала, глядела в «кровавый» поток широко раскрытыми глазами. Она казалась загипнотизированной этим зрелищем. Даже в сапогах ей не хотелось подходить к реке ближе. Заметив это, Поль взял её за руку.

– Давай пройдем к мелководью. Там вода кажется не такой красной и красиво пузырится по камушкам.

Катрин покорно последовала за мужем, уводящим её в сторону. В этом месте река была разбросана среди камней мелкими многочисленными ручейками, как растрёпанные волосы они словно «колыхались на ветру». Красная вода стремительно проносилась по камням отмели, соединяясь в низине единым руслом. Поль сделал несколько снимков. Ему очень хотелось перебраться на другую сторону для более интересных ракурсов, но он побоялся поскользнуться на мокрых камнях ядовитой реки. Молодые повернули к своей стоянке.

В след уходящим смотрел человек. Его голова появилась из глубины рубиновых вод. Затем, он показался на поверхности во весь свой рост. Неизвестный, облачённый в необычный водолазный костюм багрового цвета, плавно поднимался из-под воды, будто бы стоял на ступеньках эскалатора. Его медленные и уверенные движения были беззвучны и совершенно не тревожили течение реки лишними всплесками. Выйдя на берег, он проводил взглядом парочку молодых туристов и осмотрелся.

Вернувшись, Катрин с Полем собирали хворост для костра. Пока Поль колдовал с приготовлением обеда, Катрин записывала свои впечатления от увиденного в дневник.

Утром река уже не казалась такой таинственной, загадочной и страшной. Однако её не обычная красота по-прежнему оставалась неизменной. Катрин с Полем сделали несколько фотографий живописного рассвета над красной рекой. Собрали палатку и отправились к следующему запланированному месту стоянки. Переход был длительным. Делая короткие привалы, они лишь к вечеру добрались до нужного места. Здесь Рио Тинто имела ещё более глубоководные участки. Катрин надеялась отыскать на реке пещеры, о которых она читала. Фотографии, сделанные самолично, должны были удовлетворить её желание. Поставив свою палатку, уставшие искатели приключений стали отдыхать. Нехитрый ужин и крепкий сон унесли путешественников в царство Морфея. И только той Катрин, которая продолжала смотреть свой страшный «фильм», было видно, как силуэт незнакомого человека осторожно ходит около их палатки. Незнакомый тогда, но хорошо известного ей теперь.

«Это же он, Нил! – узнала роженица силуэт незнакомца». Нил, дважды обойдя палатку, направился к реке. Медленно ступил в воду, скрывшись в ней с головой.

«Нет! Почему так? За что?! – закричала Катрин из своего сна, – Где Поль? Куда ты его дел? Это же ты, я знаю! Я только теперь всё знаю...»

- Она, что просыпается? – заволновался хирург.
- Не должна, – отозвался анестезиолог, – сейчас проверю.
- Кричит. У неё слёзы...
- Вижу.

- Рано, и совсем некстати.
- Всё в норме. Я не понимаю, что вдруг ей могло привидеться...
- Продолжаем...

Ночью в толще красных вод вспыхнули яркие огни. Вода надулась сферическим холмом и, стекая, стала обнажать металлический корпус подводного аппарата. Красная вода струилась по зажжённым огням. Аппарат оторвался от поверхности воды, став из подводного летательным. Он поднялся над палаткой, направив на неё луч ультрафиолетового света. Из палатки вышел Поль. Его глаза были открыты, но все движения замедлены. Он, словно марионетка, подчинялся чужой воле. Луч отвёл его в сторону от палатки и остановил. Затем пучок ультрафиолетового света стал скручиваться. Световая спираль становилась плотнее, наращивая обороты. Поль оторвался от земли. Вопреки законам гравитации, он поднялся к неизвестному аппарату, увлекаемый вихревым потоком скрученного луча. Ещё мгновение, и Поль скрылся в аппарате. Луч мгновенно погас, вместе с остальными бортовыми огнями. Летающий объект медленно поднялся над верхушками деревьев, замер, а затем стремительно унёсся ввысь.

Утром Катрин вынырнула из палатки совершенно отдохнувшая, довольная вчерашним переходом и голодная. Она была уверена, что Поль готовит ей завтрак.

- Я вам костёр разжёл. Это ничего? – поинтересовался дружелюбный незнакомец.
 - Ничего, спасибо. А вы кто, местный?
 - Местный. Я тут живу неподалёку. Меня зовут Нил.
 - Очень приятно! Меня Катрин, – протянула она руку, – будем знакомы.
- Его рука показалась ей слегка холодной. Она смущённо улыбнулась:
- Вы тут мужчину не видели? Мы здесь вдвоём с мужем.
 - Нет. Я никого не видел.
 - Наверное, он умывается. Я пойду, поищу его.
 - Родник и ручей с питьевой водой будет левее вон той сосны, – показал Нил рукой, – метрах в десяти, там будет удобнее.

Катрин, взяв полотенце, поторопилась к мужу. Не застав его у родника, она быстро умылась. Волнение и тревога за Поля закрались в её душу. Катрин вернулась к своему биваку, где её ждал новый знакомый. Его внешность не была необычной. Светловолосый, коротко стриженный, он имел правильные черты лица. Движения Нила были неторопливы. Чувствовалось, что он вслушивается в каждый шорох, каждый порыв ветра, любой звук. Он втягивал носом воздух, улавливая все запахи. Но казалось, что всё это происходит само собой, естественно и не зависит от самого Нила. Складывалось впечатление, что он даже не замечает этого. Но самым удивительным был его взгляд. Этот пронзительный взгляд изумрудно-зелёных глаз. Катрин никогда не встречала такого цвета. Её глаза тоже были зелёными, но не такими. Его глаза светились, хотя днём это можно было только предположить.

- Вы точно никого здесь не видели?
- Зачем мне обманывать вас? Ваш муж, наверное, пошёл знакомиться с окрестностями.
- Один? Без меня?
- Я могу проводить вас, показать нашу реку.
- Даже не знаю... А Поль?
- Найдём мы вашего Поля, – добродушно улыбнулся Нил, – пойдёмте.

Катрин посмотрела ему в глаза. Обаятельно-гипнотический взгляд Нила располагал к доверию. Она выпила кофе, любезно предложенное ей новым собеседником. Когда Нил смотрел на неё, она словно под воздействием какого-то «эликсира откровения» рассказывала ему абсолютно всё. О себе, о своей жизни, замужестве, мечте увидеть пещеры Рио Тинто.

- Я с удовольствием покажу пещеры, – откликнулся необычный гид.

- Это было бы замечательно, но сперва найдём Поля.
- Найдём, – коротко согласился Нил, – Вы когда-нибудь слышали о рептилоидах?
- Это человекообразные драконы?
- Быть может наоборот...
- Что наоборот?
- Люди похожи на рептилоидов.
- Неожиданно!
- А про «голубую кровь» вам что-нибудь известно?
- Это люди высшей касты, да?
- Примерно так. И их кровь действительно имеет голубой оттенок, потому что насыщена медью, – гемоцианином, а не гемоглобином, как у простых людей. Они живут значительно дольше всех прочих существ на этой планете.
- Вы говорите, как инопланетянин, – засмеялась Катрин.
- Мы все, так или иначе, инопланетяне.

Катрин, лежащая в операционной видела, как они с Нилом гуляют у сказочной реки. Нил проводил её извилистыми тропами, то удаляясь от берега, то вновь оказываясь у самой его кромки.

- Смотри! – неожиданно торжественно Нил указал своей спутнице на пещеру.
- О-о! – лишь смогла выговорить Катрин.

Наощупь, достав фотоаппарат, она стала делать снимки. Из пещеры веяло густым испарением со слегка сладковатым привкусом. Катрин не заметила, как сознание покинуло её. Нил бережно подхватил девушку. Он стоял позади, ожидая этого падения. Удерживая бесчувственное тело одной рукой, Нил достал из кармана пульт. Нажал кнопку. Из пещеры выплыла лодка, похожая на капсулу. Крыша раскрылась, образуя собой трап. Нил поднял девушку, перенес её на судно. Капсула, закрывшись, скрылась в пещере.

Когда Катрин очнулась в своей палатке, она не могла вспомнить, как и когда оказалась в этих местах. В палатке были только её вещи: карта с маршрутом выхода к населённому пункту и фотоаппарат с несколькими снимками Рио Тинто. Всё указывало на то, что Катрин приехала сюда одна.

Вернувшись в свой город, она не могла понять, о каком Поле, расспрашивают её все знакомые. Только свадебные фотографии, присланные ей из агентства, стали пробуждать в ней отдалённые обрывки сказочного сна. Беременность, о которой узнала Катрин, стала для неё полной неожиданностью. Растерянная женщина не понимала, что происходит. Почему она беременна? Хотя наличие мужа, могло отчасти объяснить это обстоятельство. Но куда делся Поль, если он был её мужем? Катрин начала его поиски.

Она попыталась восстановить весь предполагаемый маршрут их свадебного путешествия. Оставив работу, уехала в Испанию. Обратилась там в полицию. Ездил по населённым пунктам, показывая фотографии и расспрашивая местных жителей. Всё было тщетно.

- Что это с ребёнком? – в недоумении воскликнула медсестра.
- Что с ним может быть? Операция прошла удачно.
- У него кровь голубая!

Красная река забурилась. В глубине вспыхнули яркие огни. Поверхность воды надулась и расступилась, освобождая простор для необычного летательного аппарата. Он оторвался

от воды, плавно поднимаясь над испанской землёй. Замерев на мгновение в небе, корабль стремительно унёсся в космическое пространство. Нил вглядывался в отдаляющуюся планету. Его ждал далёкий Сириус.

Финики

Ещё до отъезда Николай предвкушал свой будущий отдых. Его радовала не только мысль об отдыхе на морском побережье, но и о самой поездке на поезде. Ибо уже с поездке в поезде начинается отпуск. Всё лишнее остаётся на перроне вокзала. Этот вид транспорта, перемещает тебя в пространстве, сочетая дорогу с маленькими развлечениями. Можно ехать и одновременно гулять по вагону, сидеть или спать в купе, курить в тамбуре, глядя на мелькающие за окном пейзажи, обедать и, конечно же, читать давно отложенную для этого книгу. Тем не менее, проводница непременно сообщит о прибытии поезда в пункт назначения, и что пора покинуть гостеприимный вагон. И если ты не едешь из Калининграда во Владивосток, то поездка в поезде может принести удовольствие.

На вокзале Николая не провожали. Он уже давно жил один. С женой они расстались, когда единственный сын женился и стал жить отдельно. Его размеренная жизнь приближалась к сорокапятилетнему юбилею. Новых планов он не строил и приключений не искал, а жил как-то по инерции, что не мешало ему чувствовать себя вполне удовлетворённым.

Поезд тронулся. Соседям по купе Николай приветливо улыбался, не вникая в суть их беседы, и не обращая особого внимания на всё происходящее. Он неторопливо прохаживался в тамбур на перекур, а возвращаясь, устраивался на верхней полке и читал книгу. Вечером, Николай посетил вагон – ресторан с его незамысловатым меню. Возвращаясь после ужина, задержался в тамбуре. Вдоволь насмотревшись в окно, он вернулся в своё купе, где безмятежно заснул на верхней полке под монотонный стук колёс отпускного поезда.

На следующий день, состав прибыл в пункт назначения. Бодрой походкой со спортивной сумкой на плече Николай вышел на вокзальную площадь искать остановку маршрутки с требуемым номером. Наличие санаторной путёвки придавало его хорошему настроению еще и беззаботной уверенности. Приморский город встречал отпускника солнечным теплом. Разместившись в номере, требовалось посетить врача для назначения процедур. Поскольку Николай был практически здоров, соответственно своему возрасту и образу жизни, то и назначенные процедуры носили скорее профилактический характер. Покончив с формальностями, он отправился здороваться с морем на набережную.

Территория санатория была невелика, но имела свой пляж. К вечеру стало штормить, и о том, чтобы с головой окунуться в море вопрос не стоял, но закатав джинсы по колено, он смело шагнул в воду. Приятная пенящаяся прохлада остудила его ноги. Коля бродил по кромке моря, устремляя свой взор к горизонту. Граница бескрайности завораживала. Но вдруг, одна из более активных волн превысила уровень его закатанных джинсов. Николай отскочил на пару шагов назад, решив, что для первого раза – вполне достаточно. Обулся и только теперь заметил одиноко сидящую женщину. Она устроилась на сложных деревянных лежаках. Её взгляд, казалось, смотрел сквозь него, не замечая, в море. «Или куда она смотрит? – подумал Николай, – и что это за дрова такие? Теперь везде пляжное хозяйство из пластика». Он прошёл мимо, разглядывая облупившиеся голубой краской лежаки с сидящей на них женщиной. Ей было лет тридцать с небольшим. Её светлые распущенные волосы мягко отзывались на каждое дуновение ветерка. Открытое лицо женщины казалось отрешённым от всего земного. Он уже прошёл мимо незнакомки и только потом, через несколько шагов, обернулся. Она всё также сидела, опершись обеими руками чуть позади себя, подняв голову навстречу морскому бризу. Николай посмотрел на закатанный джинсы и медленно продолжил свой путь в корпус.

Утром следующего дня, за завтраком он вновь увидел эту женщину. Волосы были заколоты, на ней была другая одежда, но это была она. Николай взглядом сопровождал её до столика. Две женщины и два ребёнка сидели вместе. «Две подружки с детьми, – констатировал он, – или здесь познакомились, не важно...». Но завтрак, как-то уже незаметно отошёл на вто-

рой план. «Вчера вечером он почему-то вспоминал её перед сном, сидящую у моря... Теперь вот: снова она, в соседнем ряду, чуть впереди, перед глазами. Два столика вперёд и один в сторону, как ходит конь в шахматах, – почему-то подумалось ему». За его столиком тоже сидела семья с ребёнком. Николай внимательно оглядел ресторан и заметил большое количество детей. Пожилых людей почти не было. Немного молодёжи. Большую часть составляли люди среднего возраста с детьми. «Каникулы закончились, – соображал он, заканчивая завтрак, – прогульщики».

Первые дни Николай посещал соленые ванны, какие-то магниты, читал, гулял, но постоянно сталкивался с той женщиной. Чаще он видел её с детьми и подругой, реже только с детьми, а одну, наверное, только в день своего приезда, тогда на берегу. Если он не встречался с этой незнакомкой, то испытывал некий дискомфорт, начинал волноваться и искать её глазами. И только найдя, успокаивался.

И вот однажды, на экскурсии в местный дендропарк, она вдруг оказалась одна. Подойдя к ней, он решился заговорить.

– Красиво! Эти финики тоже съедобные? Я, прослушал...

– Попробуйте, – вполоборота сказала она, чуть улыбнувшись.

– Ну, я на пальму не полезу, а с земли как-то неудобно. А Вы сегодня без детей и подруги?

– Это моя сестра с детьми. У них сейчас процедуры.

– Я не представился, Николай, а Вас как зовут?

– Елена Сергеевна, – протянула она руку, повернувшись, и глядя ему прямо в глаза добавила, – Лена.

– Коля, – улыбнулся он смущенно от неожиданности её взгляда и звучания собственного имени.

За неспешной поначалу беседой они потеряли экскурсию из виду, и уже просто гуляли по дендрарию, не обращая внимания на коллекционные растения. Обменявшись краткой информацией о себе, они говорили о санатории, море, детях, и ещё о многом другом, словно им нужно было непременно успеть именно сейчас, рассказать друг другу всё. О своём и чужом, о мыслях и мечтах, о погоде, наконец. Уже скоро они разговаривали, как старые знакомые, шутили и смеялись. Остановились в уличном кафе, пропустили своё обеденное время в санатории, словно не хотели туда возвращаться.

Уже этим вечером санаторная жизнь Николая круто переменялась. Детской дискотеке ему удалось избежать, но во взрослых танцах пришлось принять самое активное участие. Коля словно вернулся лет на двадцать назад. Он уже был уверен, что дискотечный период его жизни давно позади. Не возникало не только желания, но даже мысли об этом, до сегодняшнего дня. Вдоволь натанцевавшись, новые знакомые попрощались до завтра. Поток информации, впечатлений и физических нагрузок обрушившиеся сегодня на Николая привели его в санаторную постель с усталой, но блаженной улыбкой на лице.

Их знакомство стремительно развивалось, волшебным образом меня окружающий мир. Менялись парк, море, небо, но главным образом менялись они. Каждый завтрак с их неизменной встречей был, теперь столь желаем и радостен, что казалось, без него просто остановилась бы жизнь. Процедуры были забыты, их посещала только её сестра с детьми. Николай с Леной ходили в бассейн, поскольку перемена в погоде с сильными волнами не позволили купаться в открытой воде, а только фланировали вдоль морского побережья. Иногда они уходили гулять по городу или уезжали на экскурсии. Главным и единственным условием для их поездок было то, что они вместе. Вечерами они подолгу гуляли в парке у моря. У них даже появилась своя любимая скамейка в тени южных растений. Николай нежно обнимал Лену за плечи, а она держала его другую руку, словно боясь отпустить. В её красивых и по-детски больших глазах отражалось тонущее в море Солнце. Светлые искрящиеся волосы благоухали необыкновенным дурманящим ароматом. Голос, неподражаемо мелодично струился, прерываясь головкружительно-

ными паузами. Николай словно пребывал в ином измерении. Где-то в подсознании, временами всплывали попытки здравого рассуждения, но они захлёбывались в его чувствах и он тонул. «Неужели влюбился? Как глупо! Как это вообще возможно? – спрашивал он сам себя, – я давно забыл, что такое любовь. Какое сильное, но беспощадное это чувство. Зачем оно мне? Я не хочу её обидеть, но не могу уже уйти. Неужели я ещё способен на что-то подобное»? Он с трепетом юноши целовал её на прощанье и уходил ждать нового рассвета, новой встречи с Леной. Николай словно оберегал их нежные чувства, боясь перешагнуть через роковую черту. Она стала очень дорога ему.

Утром, после завтрака, они пошли кормить чаек.

– Мы завтра уезжаем, – тихо сказала Лена, опустив голову.

– Как? – в недоумении остановился он.

Оказалось, что за всё время общения они даже ни разу не говорили о сроках своего отдыха и об отъезде. Вдруг теперь словно током, дрожью, обрушилась эта фраза на Николая. Он не знал, что сказать. Куда двигаться. Его глаза казалось, хотели вылезти из тесной и глупой головы. Лена тоже остановилась, глядя себе под ноги. Николай, очнувшись, молча подошёл к ней, крепко сжав её нежные плечи своими руками. Он будто хотел подавить то чувство, которое комом застыло в нём. Они стояли так молча некоторое время.

– Пойдём, чаек кормить, – сказала Лена сдавленным голосом.

Он уже не звучал, так как прежде, а Николай и вовсе потерял дар речи. Они молча бросали птицам кусочки хлеба, взятого из ресторана, а морской ветер, казалось, залетал до самой глубины опустошённой души с особым остервенением. Самыми глупыми и нелепыми сейчас могли звучать только заверения в скорой встрече, после возвращения с туманной перспективой отношений. Однако подумать, а тем более поверить в то, что на этом всё вот так и закончиться он просто не мог. «Но что думает она? Почему молчала раньше, сказала только теперь? Я не спрашивал или ей самой...», – мысли с вопросами перемешались в голове, – бред! Мы, что, больше никогда не увидимся?»

Подожли сестра и дети. Их голоса и погоня за чайками вернули Николая из временного замешательства.

– У Вас какие планы на сегодня, – наконец выдавил он из себя, – собираться будете?

– Нет. Поезд завтра поздно вечером, – как-то вдруг по-детски задорно откликнулась Лена, резко повернувшись и отряхивая ладоши, – завтра и соберёмся! А сегодня мы просто отдыхаем, но если хочешь, можешь пригласить меня на прощальный ужин!

Она спрыгнула с бетонной возвышенности присев на корточки рядом с племянниками.

Они ещё какое-то время собирали ракушки и камешки на память. Пытались играть в огромные шахматы на веранде. Говорили не понятно о чём, пытались смеяться.

Прощальный ужин устраивали в два этапа. Сначала в кафе – мороженое на пятерых, потом по-взрослому, – на двоих. Теперь они разговаривали мало и совсем по-другому. Обменялись телефонами и адресами. Пили сухое вино. Не пропустили ни одного медленного танца. Весь вечер держались за руки. Вернулись в санаторий уже совсем поздно. Расстаться было невозможно. Невыносимая щемящая боль терзала души. Они смотрели друг другу во влажные глаза. Её сладкие губы то целовали его, то шептали что-то нежное и ласковое, обволакивая горячим дыханием. Он сам целовал её, шепча слова любви и преданности. Лена осталась у Николая.

На завтрак они не пошли. Лена поговорила с сестрой по телефону, и они остались в номере. К обеду всё-таки пришлось выйти для воссоединения с родственниками. Потом были сборы вещей, сдача номера. Николай бродил по территории санатория и мысли его путались...

Вечером поехал провожать их на вокзал. Купил цветы у говорливой торговки. Посадил всех в поезд. Не было ни слёз, ни рыданий, только скромный поцелуй в щёчку и последнее: «Я позвоню...». Выйдя из вагона, он вспомнил свой юношеский стишок:

«...Закрылась дверь последнего вагона
И скорый поезд набирает ход,
А ты стоишь и смотришь вслед с перрона,
Ведь мы расстались даже не на год...»

Вот только на перроне теперь остался он. Долго ещё стоял, всматриваясь в пустоту, наступившую вслед за ушедшим поездом.

«Какого чёрта? Что мне тут делать? Я не хочу в этот санаторий! Я не могу больше видеть этого моря!» Он вдруг рванулся в помещение вокзала.

– Девушка, один билет до ..., на ближайший поезд!

Купленный на эмоциях билет не может быть гарантом досрочного отъезда из курортного местечка, или может? Утро вечера мудренее...

На картошку!

В «Застойные» времена прошлого века, работал я в одном из многочисленных НИИ нашего города. Так повелось, что каждый городской район вёл шефство над каким-либо районом пригорода, и периодически помогал ему в сельскохозяйственных работах. А поскольку шефы могли помогать своим подшефным только рабочей силой, вот и пришла в наше учреждение разнарядка, откомандировать людей для весеннего посева картофеля.

В ожидании отправления автобуса, «ссылные» болтали между собой попарно, или «на троих». В институте я был человеком новым, а потому не знал никого, с кем предстояло разделить приобщение к сельскохозяйственному труду.

– Привет! Ты куришь? – подошёл ко мне парень несколько старше меня.

– Да, – протянул я ему пачку сигарет.

– Да нет, у меня свои есть, – махнул он рукой, – и я такие не курю. Валера, – он протянул мне руку.

– Дима, – ответил я.

– Ты из какого отдела?

– Сборочного производства. А ты?

– Я из лаборатории защитных покрытий.

Так мы познакомился с Валеркой, весёлым парнем который воспринимал эту поездку, как «мини отпуск» от жены с ребёнком. Он их любил, конечно, но отдохнуть иногда хотелось.

Дорога оказалась долгой. Однако мне она не была в тягость; мой новый знакомый оказался словоохотлив и по-дружески делился своими знаниями.

Нас выгрузили у местного общежития. Накануне вечером здесь уже высадился небольшой десант из соседней организации. Нас приехало пятнадцать человек, двенадцать из которых, мужского пола, утрамбовали в одну из комнат местного отеля, а трёх наших женщин, – в отдельный номер. Чуть позже заехала и третья партия городских работников из десяти человек, в состав которой входили три молодые особы, сразу привлёкшие к себе всеобщее внимание. Их расселили аналогично: мальчиков – налево, девочек – направо. Коридор стал границей между мужской и женской половинами. Женской половине даже выдали ключи от комнат, как в настоящей гостинице, правда, по одному на каждую троицу.

Весь день мы обустроивались, знакомились с местностью. Вечером было решено устроить костёр, чтобы познакомиться друг с другом, ну и отметить начало новой трудовой деятельности.

На костёр собрались почти все прибывшие кроме тех, кто устал, или уже познакомившись, мирно спали. Всё начиналось несколько сумбурно. Наши женщины взяли инициативу в свои опытные руки, отстранив юное поколение соседок от закусок, да и вообще, от всего. К тому же у молодых работниц быстро образовался круг потенциальных поклонников. Валерка успел подсутиться на должность «разливающего».

– А ты чего? – толкнул он меня, наливая вино в кружку.

– Что, чего?

– Смотри, разберут девчонок...

– Что значит разберут?

– Ты я смотрю, на Ленку глаз положил? Всё косишься, а к ней очкарик чужой клеится. Лариска тоже ничего. Вот Оксанку Бог обидел малость, – заключил мой новый товарищ.

Очкарик действительно вёл себя нагло. Видимо алкогольный напиток придал ему не только уверенности, но и развязности. Я заметил, что Лена была не в восторге от своего ухажёра. Скорее она терпела его, чтобы не ссориться с первого дня. Ведь с этим типом ещё предстояло трудиться рука об руку, не один день. Однако меня его нахальная физиономия стала

сильно нервировать, и я решил пренебречь его симпатией к себе. Подойдя к Лене со словами: «Знаешь, что я хотел тебе рассказать» – взял её под локоток, отводя в сторону. Очкарик, было, дёрнулся за нами, но на его пути возник Валерка с бутылкой в руке и улыбкой на устах.

– Пей, малый, – плеснул он ему в кружку зелья.

– Ой, спасибо тебе большое! – сказала мне Лена, оказавшись в стороне от назойливого типа, – я уже не знала, как от него отделаться.

– Дала бы мне знак какой-нибудь – увёл бы тебя раньше.

– Какой знак? Мы все только познакомились. И я не знала...

– Уйдём отсюда, – перебил я её.

– Как, сейчас?

– А то придётся мне очкарика «уйти». Какой противный малый.

– Тогда уйдём, конечно, – улыбнулась Лена, – я только девочкам своим скажу.

– Вон Оксана, – показал я на подругу поблизости, – одной скажи, и хватит.

К нам подошла Оксана.

– Ваши женщины нас невзлюбили, – с укором высказала она мне.

– Естественно. Сколько вам лет? И сколько им? Но не волнуйся, я Лену уведу, их шансы на внимание серьёзно возрастут.

– Куда уведёшь?

– Гулять. Не волнуйся; верну в целости и сохранности. Дверь только на ночь не закрывайте. Держи, – я вручил ей свою кружку, взял Лену за руку.

Отойдя от костра, почувствовалась сумеречная весенняя прохлада. Не отпуская ладони своей спутницы, я сунул её в карман телогрейки. За спиной послышалось нестройное завывание мужского хора «акапелло». В него стали вливаться женские голоса. Через пару минут нас провожало дружное, хоть и неразборчивое пение подвыпивших инженеров.

Так началась наша дружба.

– Сегодня в клубе танцы, – объявила мне Лена.

– Ты хочешь, чтоб я отбивался от всего села? – удивился я.

– А что придётся? – она сделала наивным выражение лица.

– Конечно, мы только в клуб зайдём, как местная братва тебя отцепит...

– Так уж прям? – кокетливо улыбнулась Ленка.

– Безусловно. А потом телогрейка с сапогами не самая танцевальная одежда. В клуб можем сходить завтра, когда кино будут показывать.

– Тогда пойдём гулять, – и она сунула руку в мой карман, приглашая меня.

– Пойдём, – я тоже опустил руку в карман. Её маленькая тёплая ладошка приветливо встретила мою. Прижавшись друг к другу плечами, мы медленно уходили по просёлочной дороге.

– А я себе иначе представляла нашу встречу.

– Нашу? Ты знала, что мы встретимся?

– Знала. Я представляла тебя именно таким, только встретиться мы должны были у моря, под пальмами. Хоть и говорят, что курортные романы там и остаются, но всё равно у моря романтичнее, – она подняла на меня свой взгляд, чуть наклонив голову.

– Да, здесь романтики поменьше. Грязь, картошка... Хотя романтика ведь не снаружи... – я остановился, нежно обхватив её голову своими руками, – она внутри у нас.

Лена положила свои руки мне на грудь, чуть приподнявшись на цыпочках. Я склонился ей навстречу. Поцелуй получился необыкновенно трепетным, нежным, сильным и желанным

– Слушай, ты давай заканчивай, – вдруг начал Валерка свой разговор со мной после трудового дня.

- Что заканчивать? – не понял я его.
- А, интересно, почему должен подружек твоей пассии развлекать все вечера?
- Не знаю. Может, тебе самому хочется?
- Что опять сегодня Ленка якобы с ключами уйдёт? – задал он интригующий вопрос.
- Подумаешь, разок забыла.
- Да не разок. Два дня подряд её подруги у наших дам сидят.
- И что? Да, а ты-то сам, что там делаешь?
- Я Светлане Михайловне ремешок на часах чинил. А потом байки всякие втирал твоим подружкам беспризорным, пока в их комнате за стенкой кровать скрипела.
- Я на мгновение замер.
- Что, так слышно?
- Здесь стенки-то «картонные», а кровати ржавые, – пояснил он.
- А раньше не мог сказать? – возмутился я.
- Ты сам не слышишь? – хмыкнул он с улыбкой, – третий день подряд я сказителем не буду. Да, кстати, подружки её тоже не глухие. На кровати нельзя... В лес гулять идите!
- В лес, отлично! Там грязи по уши. Какой тут лес? Так, перелесок между двумя дорогами. Только и смотри за дорогой да по сторонам. Кругом поля. А до ближайшего более – менее лесочка километра три гулять. Прохладно вечером... Постой, – прервал я разговор о лесе, – ты два дня ремешок чинил?
- Сейчас разговор не обо мне.
- И сегодня чинить будешь? Сложный случай?
- Я женат! – гордо заявил Валерка, – а потом, со своими, – никогда! Это тебе по молодости всё равно. Я просто скрашиваю даме вечер, что ещё тут делать? Портвейн хлестать, что ли? Дверь специально открытую держу, от греха и слухов разных. Вот Лариска с Оксанкой к нам в открытые двери и топают, куда им ещё деться-то?
- А остальные наши дамы где?
- Кто где... Гуляют. Погода вон хорошая. Не ветрено. Вот и вы гуляйте. Ваше дело молодое. Романтика. Прогулки под луной. Тенистый шорох косматой ели... Иль ты с ней только так... От скуки, пока здесь?
- Сам не пойму. Но мне с ней хорошо.
- Понятно, – хорошо!
- Дурак ты! Мне с ней и без этого интересно. Она действительно мне чертовски нравится! Я даже скучаю без неё. А вот любовь это или обычная влюблённость? Откуда мне знать.
- Вон мой бушлат ещё возьми, когда пойдёте, а то замёрзнете. Только поаккуратнее...

Наша картофельная командировка скоро закончилась. Все разъехались по домам. В городе стояла по-летнему тёплая погода. Молодая листва блестела под приветливым солнцем. Птицы неистово галдели за окном.

Вчера я целый день ей не звонил. Хотел, но сдерживал себя, давая отдохнуть ей после поездки. Сегодня, с самого утра, ждал хотя бы девяти часов, чтобы не разбудить её звонком и наконец, набрал телефонный номер.

- Привет!
- Привет!? – в голосе послышалось робкое, но радостное удивление.
- Ты успела отдохнуть от дороги?
- Почти. Я ещё вещи вчера разбирала... Ну, и другие там дела...
- Давай сегодня встретимся, – перебил я её запинаящийся голос.
- Сегодня? Я не знаю... А во сколько? Где?
- Можно у «Победы», сейчас. В смысле через час. Ты ведь рядом там живёшь?

У кинотеатра было не многолюдно, хоть день был выходной. Я прохаживался вдоль ступенек, поглядывая на часы и по сторонам. Лену заметил издали. Она шла мне на встречу необыкновенно красивая. Я впервые видел её в платье, туфлях. Волосы были собраны в новую причёску. Лена тоже увидела меня. Её, чуть торопливый шаг не изменился, только взгляд стал временами опускаться под ноги, как будто она искала что-то, или прятала свои глаза.

Я пошёл ей навстречу. Мы почти столкнулись.

– Здравствуй, Леночка, – тихо сказал я, протягивая ей цветы осторожно касаясь щеки губами.

Она прижалась головой к моей руке, запутавшейся в её волосах.

– А я тебя ждала. Но думала, что ты не позвонишь.

– Почему?

– Не знаю. Ещё там, вчера, когда мы уезжали утром. Я подумала, что всё закончится, как только мы уедем. Вы оставались там, а мы поехали. Я думала, что это всё. Как курортный роман. Теперь вдруг ты... с цветами...

– Курортный, хм. Ты что Ленка, плачешь?

– Нет. Это я вчера чуть не разревелась. А сейчас нет.

Я прикоснулся своими ладонями к её щекам и крепко поцеловал в губы.

– Ты всю помаду мою съешь, – сказала она глядя на меня широко раскрытыми, влажными от слёз, глазами.

– Я тебя люблю!

Лена молча улыбнулась. Её глаза заискрились светлой радостью.

– Пойдём в театр, – неожиданно предложил я.

– В какой? – удивилась она.

– Без разницы. Хоть в цирк, хоть на балет. Очень захотелось с тобой куда-нибудь... Не в кино.

– Я не одета для театра.

– Разве можно одеться ещё лучше? Ты прекрасна!

– Димка, ну тебя, – засмеялась она, – а билеты где?

– У метро есть касса. Или хочешь на дискотеку?

– А не боишься, что от кавалеров моих не отобьёшься? – с лукавством вспомнила она мои слова в совхозе.

– Естественно не отобьюсь! Но в городе есть преимущество, – полно больниц...

– Тогда в театр. Только я сама выберу, ладно?

Она взяла меня под руку, прижав к груди букет цветов.

Лето, море, бабуин

Поступив на первый курс вечернего отделения высшего учебного заведения можно было расслабиться. Родственники предложили Игорю поездку к морю. На Средиземном море ему ещё бывать не приходилось. Правда он не успеет вернуться к началу нового учебного года. Но, что ж теперь поделать, ведь все знакомые наперебой расхваливаю недорогой и комфортный отдых в Турции. Благо, что школьные годы далеко позади, когда их строили первого сентября на торжественной линейке. Позади Армия. Впереди отпуск и море!

Вот, наконец, документы и вещи собраны. Деньги на карманные расходы отложены. Такси, аэропорт, самолёт с привязными ремнями безопасности, – отдых начался!

Турецкое средиземноморье радушно встретило нового туриста. Хотя в прежние годы под словом «турист» подразумевался некто с рюкзаком и палаткой за плечами, натружено блуждающий по бескрайним просторам, карабкаясь в самые труднодоступные уголки первозданной природы. Теперь, в своём большинстве, турист, тоже блуждающий, только на короткие расстояния; между отелем и пляжем. Это беззаботный увалень в солнцезащитных очках с бокалом пива в руке. Хотя иногда можно и вскарабкаться в экскурсионный автобус, который доставит в какой-нибудь «уголок» природы.

Песчаный пляж обрадовал Игоря. Дневное солнце было слишком жарким, но вечерние дискотеки проходили в благоприятных условиях. Фильмов, как в пансионатах советских времён здесь не показывали, видимо из-за разноязычности отдыхающих.

На руку Игорю прикрепили специальный браслет отеля, означающий: All inclusive, или «Всё включено», что давало ему право не платить в барах. В первый же вечер он неприменно этим воспользоваться. Увидев коньяк, он вдруг вспомнил, как одна знакомая его товарища пыталась показать себя светской дамой. Глотая из стакана водку, она возмущалась, что ей накануне в гостях в коньяк не положили лёд. Смешно, но жалко было эту девушку. Пить коньяк, наслаждаться им, нужно уметь. Конечно, можно просто нахлестаться. Однако для этого есть другие напитки, а коньяк...

Коньяк, четыре стадии проникновения напитка в организм.

Первая. Откупоренная бутылка тёмного стекла. Бокал должен быть широким, чтобы насладиться предвкушением от аромата испаряемого напитка. Держа его на ладони, Вы передаёте напитку тепло своего тела. Коньяк, ответит Вам взаимностью.

Вторая. Вы делаете первый глоток, задерживая его на мгновение во рту. Крепость жидкости ощущается всей полостью рта и пронизывает её своим содержанием. Затем, он устремляется вниз, и тут происходит неожиданное; коньяк превращается в лифт замедленного действия. Его обжигающее тепло медленно и плавно опускается вниз, отмечаясь на каждом этаже, в каждой точке вашего пищевода.

Третья. Терпкое послевкусие во рту от дубильных веществ напитка. На дёснах, нёбе, языке. Дух многолетней дубовой древесины ощущается каждым чувствительным рецептором полости рта.

Четвёртая. Уже была команда «Приготовились!» Прозвучали: «На старт!», «Внимание!» И вот только теперь, – «Марш!» Тепло поднимается обратно, к голове, и беззвучным взрывом салюта накрывает, обволакивает мозговые клетки. Вот оно... Ваше тепло, переданное бокалу. «Марш», и мозг передаёт эйфорические сигналы ко всем частям Вашего тела. Наступает единство и гармония материи с разумом...

Самое время раскурить ароматную сигару, откинувшись на спинку уютного кресла. Окутывание своего тела клубами заморского дыма, возможно, помогает регулировать степень расширения сосудов? Так, или иначе, но последующие глотки уже не повторяют ощущения от первого! Он первый, девственный, неповторимый. Всё остальное, – пьянка.

«Справедливости ради, – добавил про себя Игорь, – не могу утаить, что приходилось пить этот напиток, даже из горбушки хлеба, закусывая ей же. Но отсутствием льда, я никогда не возмущался!»

Коньяк в баре у бассейна сменился променадом к морю. Где горящие повсюду огоньки и шум набегающей волны располагали к приятному отдыху.

Утром следующего дня Игорь начал активное знакомство с разнообразием предлагаемых развлечений устраиваемых для туристов. Он подошёл к стенду с описанием и стоимостью мероприятий.

Знакомство.

– Ну, давай мама, – упрашивал свою родительницу маленький мальчик.

– Я сказала тебе, что не поеду, – категорично ответила она.

– Ну, мама, ну давай! Это не страшно...

– Тебе не страшно, а мне страшно. Я не поеду, сказала же тебе. Там всех переворачивают. А одного я тебя не отпущу.

Мамаша мальчика была весьма симпатична. Впрочем, на море да в купальнике многие девушки и дамы становятся более симпатичными, чем в повседневных городских, и сельских условиях. Формы и внешность этой девушки удивляли, что она уже чья-то мамочка. А вот её капризный отпрыск симпатии не вызывал.

– Куда стремится малец, на «банан»? – вполоборота поинтересовался Игорь.

– Конечно, – вздохнула молодая мамаша, – там скорость, брызги, всех сбрасывают в море, всё, что ему нужно.

– О, как! А Вам, что прокатиться мешает? На Вас жилет наденут.

– Нет, я не могу, там брызги прямо в лицо, и вообще. Одного его тоже боюсь отпускать, маленький ещё.

– Бывают брызги на воде, так ведь на то оно и море, – усмехнулся Игорь, – высохните...

– Послушайте, а Вы один здесь? – вдруг заинтересовалась женщина.

– Один. А что?

– А может Вы с ним? Я оплачу!

– Я, что?

– Ну, прокатитесь с ним на этом «банане», вместо меня? Пожалуйста! – взмолилась она, как только что упрашивал её ребёнок.

Игорь ошолбенел от такого предложения. К подобному повороту событий он не был готов. Его не очень впечатляла перспектива кататься на «банане» с чужим ребёнком.

– Я не уверен, что готов к подобному... – замямлил он.

– Ну, что Вам стоит? Вжик и всё, – не отступала женщина.

– Во, блин попал, – неожиданно для себя вдруг вслух сказал Игорь. Потом решил смягчить сложившуюся ситуацию, – тебя как зовут, Ихтиандр? – обратился он к ребёнку.

– Вова, – расплылся тот в улыбке.

– Вова, ну, конечно, как ещё... Поехали, Вова, что с тобой делать.

– Ура!

– Ура! – подхватила мамочка, чуть не захлопав в ладоши.

Надев спасательные жилеты, они уселись на «банан». Симпатичная мамаша провожала их от причала, как моряков в дальнее плавание. Катер постепенно набрал скорость, и «банан» стал прыгать по волнам, обдавая всех брызгами. Отойдя на положенное расстояние, катер медленно развернул своих довольных пассажиров, чтобы не растерять их раньше времени, направился обратно. Подойдя ближе к причалу, он сделал резкий разворот так, что все слетели со своих насиженных мест в воду. Визжащие, мокрые, но довольные, одни карабкались на надувной предмет, другие подгребали к лестнице причала. Здесь было неглубоко, но дети ногами до дна не доставали. Игорь подхватил за шиворот спасательного жилета Вовочку, вытаскивая его за собой ближе к маме.

Она радостно встречала их. У лестницы скопилось очередь, и Игорь подал ей ребёнка на вытянутых вверх руках. Затем подтянулся сам.

– Я чуть с ума не сошла, – залепетала мамаша, принимая своего сына, – вас так перевернули...

– Я тоже, – улыбнулся Игорь, – Вас, кстати, как зовут-то?

– Татьяна. А Вас?

– Игорь. Будем знакомы.

– Я так Вам благодарна, Игорь...

Благодарность Татьяны не заставила себя ждать. Она весь день старалась быть приятной и услужливой для Игоря. После вечерней дискотеки они вместе уложив Вовку спать, отправились гулять на побережье. Сумерки на море очень быстро превращаются в непроглядную тьму. Несколько шагов в сторону от освещённого участка, как попадаешь в сказочное таинственное пространство. В нём только запахи и звуки.

– Искупаемся? – спросила Татьяна.

– Я не собирался, а потому без плавок.

– Я тоже. Так тут всё равно никого нет и ничего не видно.

– Мне и моря-то не видно, – повернулся Игорь в сторону шума волны.

Потеряв из виду свою спутницу, он услышал плеск заходящего в воду человека. «Ого! Одна пошла, – подумал он, – надо идти за ней, а то потеряется ещё». Раздевшись, Игорь направился на звуки плещущейся в море Татьяны. Они купались рядом с берегом. С моря были видны огоньки на окраине дороги, которые служили ориентиром для поиска берега со своей одеждой. Но они не торопились. Вода была тёплой, ласковой. Теперь брызги не очень пугали Татьяну, а даже веселили её. Плескаясь, они сначала, как бы, случайно соприкоснулись друг друга. Потом ещё. Потом уже не случайно. Их объятия и поцелуи смачивала солёная морская вода. Татьяна с какой-то жадностью наслаждалась близостью с Игорем. Она повисла на его шее, хаотично перебирая руками по спине своего партнёра. Её ноги «защёлкнулись замком» на его талии. Стоны своего наслаждения она даже не пыталась сдерживать, видимо надеясь, что они утонут в звуках ночного прибоя.

Игорь только позже почувствовал щиплющий дискомфорт на своей спине. «Наверно это её ногти? – подумал он, – как странно: физическое удовлетворение я получил, а удовольствие в целом под вопросом. Так скоро всё произошло... Надо было сначала влюбиться что ли, ну хоть чуть-чуть, перед соитием. А так, совсем без чувств... У меня-то после армейский „голод“ уже прошёл, а вот одинокой мамаше видно не до сантиментов».

На следующий день Игорю захотелось избежать встречи с Татьяной и её капризным отпрыском. Он поспешил найти укромное местечко на удалённом от отеля пляже. Устроился там наблюдателем за отдыхающими.

Купаются люди, загорают. Те, кому нечего скрывать от посторонних глаз, принимают солнечные ванны в довольно откровенных купальниках, если их так можно назвать. Стоя или про-

гуливаясь вдоль кромки моря, чтобы их прелести были одинаково хорошо видны, как с берега, так и с моря. Что ж, красивая фигура только радует глаз!

Бабуин.*

Наиболее активные, – играют в подвижные игры: волейбол или бадминтон. Внимание Игоря, как раз привлекли играющие в бадминтон. Весёлая девушка перекидывала волан с молодым человеком. В них легко узнавались соотечественники. Не по игре, конечно, просто были слышны их голоса и родная речь. Однако это внимание усиливала не их речь, а не естественно красный зад молодого человека. Его ягодичные мышцы красным фонарём метались по пляжу, вызывая настороженное непонимание и любопытство. Игоря никогда прежде не интересовали мужские задницы, а потому это странное собственное любопытство раздражало его. Но этот парень продолжал перемещаться по песку из стороны в сторону, и его красное основание мелькало по побережью световым сигналом. Загорелый блондин с красным задом, – павиан с ракеткой, – вдруг пришло в голову Игорю.

Но солнце припекало, призывая к водным процедурам. Остудившись в море от перегрева, Игорь вышел на берег. Проходя мимо отдыхающих тел, он неожиданно наткнулся на загорающего игрока. И только теперь он понял, в чём дело. Напрыгавшись, бадминтонист растянулся вдоль движения Игоря, лицом вниз, а «фонарём» вверх, – прямо как избушка на курьих ножках, только к свету тот лежал не передом, а задом. Взгляд Игоря невольно наткнулся на его неестественно красное основание. Вблизи стало понятно, что юноша только недавно прилетел сюда, на день – два раньше. Его хороший и ровный загар свидетельствовал о предварительной подготовке к путешествию на море, вот только готовился к нему этот парнёк в обычных мужских плавках. Может быть даже отечественного производства. А приехав на заморские берега свободой от домашних предрассудков, решил надеть что-то больше похожее на женские стринги.

На солнце обычно сгорают плечи. Женщины ещё раньше наклеивали себе на носик листочек, предохранялись от обгорания заметной части тела. Сейчас, и тогда уже широко применялись солнцезащитные крема любых вариантов. Зад, конечно, не носик и даже не плечи, но тоже подвержен солнечным лучам. Толи у парня не было крема толи мозгов? Ведь больно, наверное? Казалось, что плюнь, и его филей зашипит! Он даже на спину лечь не может...

Ну, то, что в женских стрингах он не мог готовиться к заграничному вояжу, было понятно. Принять солнечные ванны у себя на речке с верёвочкой на заднице не получится: какой-нибудь местный Петрович, натянул бы ему это до самого фаллоса.

Хотя, может он так и задумывал, ведь теперь на него все обращают внимание, и девушка с ним играла... Может он умышленно принёс свой щёгольский зад на жертвенный алтарь солнцу. Вероятно, что для него это и была та самая красота, которая требует жертв? Но надо надеется не та, что спасёт мир! Точно – бабуин. Смешно и жалко.

Однако отдых Игоря только начинался. Впереди было ещё много хороших дней и ночей. Он, конечно, не раз встречался с Татьяной, которая отыскала его в тот же день. Ему даже удалось немного привыкнуть к её Вовочке. Они вместе гуляли, танцевали и купались. По окончании срока путёвки Татьяны, Игорь проводил их до автобуса. Расставание было простым, может быть даже скучным. Однако все оставались довольными проведённым вместе отдыхом. Она уехала с сыном в свой родной городок. А через пару дней и Игорь бросил в море монетку на прощание, но чтобы вернуться.

**Бабуин, или жёлтый павиан (лат. Papio cynocephalus) – род настоящих павианов семейства мартышковых (Cercopithecidae). Название происходит от санскритского «Бабуанно», что означает «Щёголь»*

Прости меня, Маринка

Давно это было, очень давно. Однако с возрастом несколько иначе переосмысливаешь свои прошлые поступки. Конечно, накуролесило было столько, что и не вспомнить. Идеальных, да безгрешных людей нет, наверное. Я не исключение. Начни жизнь заново, наверняка наряду с исправленными ошибками прошлого появились бы ещё и новые, не говоря уже о том, что большую часть своих ошибок я бы повторил вновь. Некоторые из них даже вспоминаются с удовольствием. А уж, какой получится общий итог, в большую или меньшую сторону предугадать невозможно.

Вспоминая прошлые годы, память старается чаще отображать положительные моменты жизни, и это правильно. Но вот в истории с Маринкой, не даёт мне покоя один маленький, незначительный казался бы эпизод. Тогда я естественно не придавал ему никакого значения. Собственно и теперь не вижу в нём ничего особенного, только что-то внутри меня почему-то захотело извиниться.

Я был молодой здоровый и красивый парень, недавно отслуживший в армии. Некоторое время привыкал к гражданской жизни. Иногда странно было видеть, как симпатичные девчонки гуляют, обнявшись с какими-то прыщавыми чудиками, совершенно не замечая меня. Но это чувство быстро прошло. Я скоро заметил, что не остаюсь без внимания противоположного пола и стоит сделать только шаг. И я его сделал. Да не один, а несколько, и ещё в разные стороны. Словом – понесло меня по девкам...

Не забывая о серьёзном. Пошёл на работу и поступил на вечерние отделение технического ВУЗа. В молодости времени хватало на всё, когда правильно им распоряжаешься. Для экономии времени на свиданиях, с возможными перемещениями по городу, я обзавёлся подругами везде. Отпала необходимость заниматься длительными ухаживаниями с серенадами под балконом. Не было больше нужды мотаться по городу, из конца в конец на свидание с девушкой. У меня была подруга рядом с домом. В институте другая девушка. Подруга друга, не его, конкретно, а его соседка. Марина была подругой на работе. Кто-то может назвать меня ленивым, но это не так. Это простое удобство, которое досталось мне не ленью, а трудом. Да, была ещё промежуточная, по дороге от места работы к институту. Можно было пойти к ней перед занятиями, или остаться ночевать после них, чтобы не ехать домой. Встречаться одновременно с несколькими, – какая же это лень? Это труд! Тяжёлый, но приятный и посильный молодому здоровому организму.

Марина, конечно, знала обо мне многое. Знала, что я – бабник. Что она не единственная, с кем я встречаюсь, но нас обоих всё устраивало. Она была замужняя мама, а потому не могла претендовать на мою верность.

Молоденькие девчушки были хороши. С ними приятно и под руку пройти, когда все прохожие выворачивают головы в след. Роскошные фигуры, лучезарная свежесть, заразительная притягательность. Однако всегда есть это дурацкое «но». Большинству из них почему-то всегда хотелось «будущей определённости», назовём это так. Кто намёками с наводящими вопросами, кто попытками знакомства с родителями, а кто и лоб спрашивали: «А ты на мне женишься?» Такая напористость мгновенно охлаждала мои пылкие чувства к данной персоне, и приходилось срочно подыскивать ей замену. Перспектива женитьбы в моих планах была ещё слишком далека. Так, наряду с юными холостячками, среди моих подруг всё больше стали появляться и молоденькие замужние женщины. С ними и поговорить оказалось интереснее. Никаких видов на замужество, поскольку оно у них уже состоялось. А какой колоссальный плюс в свиданиях. Их любовные встречи со мной были не часты, – не так просто ускользнуть из семьи по уважительной причине, а потому фееричны. Урвав от повседневности пару часов, они, как в омут с головой...

В прежние времена можно было подзаработать отгулы на дежурстве в народной дружине. Мне, как комсоргу, такие бонусы не полагались, но я, составляя списки, мог выбрать себе компанию. Можно было сдать кровь, получив выходной в этот день, плюс три отгула на будущее. А сдавши кровь вместе с любовницей, увезти её к себе домой. Было здоровье!

Уже не помню, как я соблазнил Маринку. У неё был любимый сын. Не очень любимый муж. И совсем нелюбимая свекровь. Замуж она выскочила рановато, практически за первого, кто предложил. Есть в наших девочках некая неуверенность в себе, недооценка. А может ещё что-то... Впрочем, и переоценки тоже встречаются. Конечно, соблазнение замужней женщины поступок аморальный. Но уводить её из семьи я не собирался, а раз она на это пошла, значит ей, это было надо. Мы оба получали желаемое. Она: внимание, любовь и удовлетворение – всё то, о чём давно забыла дома. Я – даже больше. В таких отношениях я имел приоритет. Любая моя прихоть исполнялась, чтобы не разочаровывать меня, и не быть отвергнутой. Понятно, что я найду ей замену значительно проще, чем она сможет заменить меня. Таких отношений с юными девами быть не могло. То смазливая особа, считая себя идеалом капризничает. Другой манерная скромность мешает в близости отношений. Третьей, Впрочем, нет смысла перечислять то, что не позволяет в полной мере насладиться друг другом. С Мариной мы брали от любви всё. Естественно, я тоже старался ей угодить. Видеть и чувствовать, как твоя женщина получает удовольствие не меньшая радость, чем удовольствие собственное. Долой комплексы! Всё, как в последний раз!

Мы даже умудрились отправиться вместе в экскурсионную поездку. Её поселили в одном номере с моим комсомольским заместителем женского пола. Меня тоже поселили с каким-то вожаком из другой службы нашего учреждения. К счастью он оказался малопьющим халявщиком. Проведя любителя дармовщины по двум местным барам, я укачал его в хлам. Лишние свидетели и сплетни нам были ни к чему, а моя заместитель зависела от меня, стараясь быть Маринкиной подругой. Те выходные были замечательны. Халявщик не мешался нам и позже, он не мог прийти в себя после вчерашнего.

К чему всё это? Некая исповедь получилась. Как интересно заметил кто-то, что исповедь, – это «философский эксгибиционизм». Хотя, разве не эксгибиционистично любое философствование? Вот так в одночасье можно стать эксгибиционистом!

Ездил я как-то в пионерлагерь вожатым. В помощь нам были брошены практикантки из педучилища. Весёлые заводные девчушки. Отсутствие мобильной связи, да и любой другой, отсекало нас от внешнего мира полностью. Лишь телевизор в «Красном уголке» держал нас в курсе мировых событий. Конечно, и там я обзавёлся зазубой. А тут приехала Марина. Нежданно нагадано решила навестить меня, не знаю, как ускользнув из дома. Вот за этот день я и хочу извиниться.

Тогда мне не показалось, что я поступаю плохо. Обычное, нормальное, эгоистичное восприятие ситуации. Ведь никаких обязательств друг перед другом у нас с ней не было. Новую свою пассию, конечно, я ей не демонстрировал. А практикантке наврал, что-то про заботливую сестру, приехавшую меня навестить. Странное дело – сколько я врал, и как верили! Уму непостижимо до чего людям хочется верить во всякие байки!

Маринку я отправил на поляну в лес. Сам долго не шёл к ней, хотя свой отряд давно отвёл на «тихий час» после обеда. Я всем показывал, что мне эта встреча в тягость и нет желания туда идти, но надо. Наконец я ушёл. Нашёл её в условленном месте. Она так обрадовалась мне, хоть не могла скрыть своей печали от длительного ожидания. Мы сели на одеяло, принесённое мной. Она привезла мне коньяк, зная, что я его люблю. Себе вина. Закуски. Устроила настоящий пикник на траве. Была и близость. Время пронеслось быстро, да и было-то его не очень много. Собравшись, я проводил её до ворот лагеря, сказав, что дальше мне идти нельзя. Она одна отправилась на станцию. Я с некоторым облегчением вздохнул, ведь эта встреча хоть и была хорошей, всё ж не совсем кстати. С её уходом всё вернулось на круги своя.

Прошло время. Лишь однажды Марина вспомнила мне тот день. Никогда прежде ни в чём меня не попрекая, она сказала, что шла до станции чуть не плача, или плача. Я не понимал, тогда, или не хотел понимать. Но теперь... Теперь я понимаю. Она ехала на встречу ко мне. Готовилась к ней. Ждала. От станции до лагеря пять километров. Поймала попутку. А я держал её в лесу. Пришёл, выпил, закусил, и прочее... Потом проводил до ворот.

Сказала, что шла обратно эти пять километров, как оплёванная!

Даже не любя я не должен был так поступать с человеком. Для неё я был лучиком света, хоть и аморальным. Моё теперешнее раскаяние ничего не исправит и ничего не значит. Я не знаю где теперь Маринка. Не знаю, как живёт. Но как бы я хотел извиниться перед ней! Хоть и теперь, спустя не один десяток лет. Каждый раз, вспоминая свою молодость, я не могу не вспомнить и о ней. А вспоминая, не могу забыть её слов об оплёванности. Столько хорошего у нас с ней было, что не заслуживает она этого.

Прости меня, Маринка!

Новогодний выбор

За окном неспешно падали мягкие хлопья снега. Плавню кружась, словно выбирая место для своего приземления. Сквозь снегопад пробивался свет уличного фонаря, искрами отражаясь в пушистом белом покрывале предновогоднего убранства. Вдалеке были видны разноцветные огни праздничной ёлки, установленной на площади перед магазином.

По эту сторону окна тоже стояла нарядная ель. Хотя она была искусственного происхождения, это нисколько не мешало ей придавать праздничности всей комнате. Ваза, наполненная мандаринами и свечи с хвойным ароматом, довершали картину теплоты и уюта.

– Я обещаю тебе, что этот Новый год мы встретим с тобой вместе.

– Я перестала верить твоим обещаниям.

– Ты всегда меня понимала.

– Нет, не всегда. Просто мне очень хотелось верить, что это когда-нибудь случится. Ещё, потому, что я дура.

– Теперь я принял окончательное решение...

– Знаешь, я всё же поздравлю тебя сейчас.

Женщина подошла к новогодней ёлке. Достала из-под неё пакет, красочно украшенный мишурой. Вернулась к дивану с грустной улыбкой на лице.

– С Новым годом, тебя, Олег.

– Оленька...

– Не надо ничего говорить.

– Я твёрдо решил, что с этого Нового года у нас с тобой начнётся новая жизнь.

– Ты откроешь подарок?

– Нет. Мы обменяемся с тобой подарками в Новогоднюю ночь. Куранты пробьют панихиду по прошлой жизни, мы выпьем шампанское, поцелуемся и поздравим друг друга нашими подарками.

– Как ты можешь так говорить: «панихиду по прошлой жизни»? В этой прошлой жизни у тебя жена и дочка. Что за дурацкое слово... Разве они виноваты, что мы с тобой полюбили друг друга?

– Согласен, слово дурацкое.

– Скажи лучше, что ты забыл про подарок для меня.

– Что значит забыл? Подарок для тебя у меня в машине.

– Хм... Хорошо, что не в гараже.

– Ну, что вдруг на тебя нашло сегодня?

– Это не вдруг, и не сегодня. Мы с тобой встречаемся уже два года. Я не хочу казаться стервой, разрушающей «ячейку общества», но и жить я так больше не могу.

– Послушай, я сегодня уеду домой. А завтра утром всё расскажу жене, соберу вещи, поздравлю Леночку...

– С чем?

Олег опустил голову. Встав с дивана, он подошёл к мерцающей гирляндой ёлке и положил под неё Ольгин подарок. Повисшую в комнате тишину он стал «отсчитывать» пощёлкиванием своим пальцем по блестящему шару.

Ольга села на диван, откинувшись на спинку. Затем она подтянула к себе ноги, обхватив их руками и упиревшись подбородком в свои колени сказала:

– А знаешь, я, пожалуй, сама тебя брошу...

Олег повернул голову в её сторону, но продолжал молчать.

– Ну, правда, сколько можно? – говорила Ольга, – что ж мне до старости одной всё куковать? Мне надоело встречать праздники не по календарю, видаться с тобой только в будни, да и то... Найду себе мужичка какого-нибудь, пока на меня ещё посматривают. Поеду с ним в отпуск, к морю... Рожу себе ребёночка...

Олег подошёл к Ольге, сев перед нею на колени.

– Оленька, мне тоже не просто. Думаешь, я хочу сейчас уходить?

– Я устала думать за тебя. Когда уже обо мне хоть кто-нибудь начнёт думать?

– О тебе думаю я. Постоянно. Даже боюсь жену твоим именем назвать...

– Ну да, было бы лучше, если бы её тоже звали Ольгой. Ты бы тогда вообще не заморачивался.

– Что ты говоришь?

Олег взялся руками за оголённые ноги Ольги и прижался к ним своими губами.

– Что ты говоришь, – продолжал шептать он, целуя её ноги, – завтра я приду к тебе насовсем.

Яркое Солнце озарило прозрачную синеву чистого неба. Выпавший накануне снег резал глаза своей белизной. Хорошая, снежная зима. Ни оттепелей, ни трескучих морозов. Дворники во дворах начали скрести снег своими лопатами. По улицам засуетились прохожие с пустыми и полными сумками продуктов. Детвора высыпала на снежную горку прокладывать новые трассы по целинному снегу. Каток во дворе разноцветно играл гирляндами, не выключенными с вечера. Город готовился к встрече с самым любимым праздником года.

Олег, проснувшись, посмотрел на свою жену; Галина ещё спала. Он тихо встал и вышел в кухню.

– Ты, что так рано?

Олег вздрогнул от неожиданности, услышав за спиной голос жены.

– А ты, что вдруг вскочила? – обернулся он.

– Ты куда-то собрался?

Олег посмотрел на свою жену и сел на стул.

– Сядь, нам надо поговорить.

Галина налила в чайник воды, включила его и присела на край стула.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Я хочу сказать, – Олег уткнулся взглядом в стол перед собой, – что наша с тобой жизнь, кажется, не сложилась.

– Ты решил нас бросить?

– Бросают мусор в ведро... – нервно ответил он, – разве ты не видишь, что мы уже давно живём с тобой не как прежде?

– А «как прежде» никогда не бывает...

– Что значит «не бывает»? Любви в нас не осталось. Мы живём с тобой, как соседи. Ну, разве, что сексом ещё иногда занимаемся, хотя, кажется, без особой радости...

– Тебе любовной страсти захотелось?

– Не извращай всё в пошлость!

– Меняется всё и всегда. Это естественный процесс. Когда в семье появляются дети, то большая часть любви, внимания и заботы перенаправлены к ним.

– Да знаю... Я не об этом...

– А я об этом. С рождением Леночки у нас с тобой тоже произошли изменения. Только я думала, что ты перестанешь заикливаться на внимании к себе. Нельзя же всю жизнь только брать? Я надеялась, что и тебе будет приятно отдать хоть что-то...

Вскипевший чайник прервал Галину. Она встала налив себе чай.

– И кто она?

Олег молчал.

– Ты намереваешься всю жизнь проскакать таким козликом? – Галя присела к столу.

– Я не скачу козликом...

– Ну, извини... Я хочу сказать, что страсти проходят всегда. Гонятся за ними всю свою жизнь? Не знаю. Людей связывает не только «затмение разума».

– Какое «затмение»?

– Твоё, в данном случае. Не думаешь же ты, что я полная идиотка, и ничего не вижу? Но я надеялась, что и ты умней...

– Ты знала?

– Может быть, это нам и мешало?

Галина позвякивала чайной ложечкой в своей чашке помешивая чай без сахара.

– Может, я сама виновата, – продолжила она, – но я не знала, что мне делать... Знаешь, есть поговорка о том, как встретишь Новый год так его и проведешь. Удерживать силком не буду, но и терпеть больше не могу. Тебе пора определиться. Больше так продолжаться не будет.

Галина встала, подошла к окну. На стекле были нарисованы снежинки. Олег оглянулся на неё. «Что со мной не так? – подумал он, – она всё та же, с кем мне было хорошо когда-то. Я любил её. Да и сейчас она мне не безразлична... Может, я сам в чём-то виноват?» Он медленно поднялся со стула и вышел в ванную. Приведя себя в порядок, Олег вновь зашёл на кухню. Галина продолжала стоять у окна глядя во двор.

– Я пойду на улицу...

– Она у дома тебя ждёт?

– Нет. Я хочу пройтись.

Накинув на себя куртку, взяв шапку, он вышел из дома.

Лёгкий морозец освежил его свежевыбритые щёки и подбородок. Олег, постояв с минуту у подъезда, пошёл по расчищенному тротуару. За углом стояла его машина. В гараж он её не загонял, поскольку собирался утром уезжать и не хотел возиться с расчисткой снега у ворот. Он остановился перед машиной. Мимо него пробежал мужчина, волоча за собой санки со смеющимся мальчишкой. Олег улыбнулся им вслед, открыл машину и сел в неё. Завёл, открыл бардачок. Достав из него красивую коробочку. Открыв её, ещё раз улыбнулся и, закрыв, убрал во внутренний карман куртки. Машина отъехала от дома в сторону центра города.

Галина кормила Леночку, когда в дверь квартиры стали настойчиво звонить.

– Сиди здесь, – сказала она дочери, уходя открывать дверь.

Но Лена быстро соскочила со своего стула и выбежала в коридор встречать внезапного гостя. Галя открыла дверь; на пороге оказался Дед Мороз. За шапкой, бородой с усами и пышными бровями его лица совсем не было видно. Торчал только красный нос. Он решительно шагнул в квартиру, скидывая с плеча свой мешок. От неожиданности и удивления Галина отступила назад, а Леночка открыла рот. Её глаза также округлились от восторженного удивления.

– Не ждали? – раздалось из бороды, – а я вот к вам с утра решил зайти! Вечером у меня других дел хватает, всех обойти – попробуй!

Он развязал мешок и достал от туда большого плюшевого кота.

– Это тебе, – протянул он игрушку девочке, – это тоже тебе, – достал он из мешка шоколадного зайца, – и это...

Из мешка доставались мандарины, конфеты, лимонад...

– Так, а это тебе, – Дед Мороз достал из мешка шампанское, протягивая его хозяйке квартиры, – это нам всем, – он выпрямился с ананасом в руках, – а это опять тебе, – вынул он из-за пазухи небольшую красивую коробочку.

Галя прижала к груди редкий подарок глядя в глаза Деда Мороза.

– Ты бы нарядилась, что ль... Ну мне ещё сани в гараж нужно поставить, – сказал неожиданный гость, забирая с собой пустой мешок.

Через полчаса вернулся Олег.

– Папа, папа! – кинулась ему навстречу Леночка с плюшевым котом, – к нам Дед Мороз приходил! Настоящий! Смотри, что он мне подарил!

– Вот здорово, – обрадовался Олег, – а я значит, опять всё пропустил, и остался без подарков?

– Не остался, – сказала Галя, – он и тебе кое-что передал...

Она

Их первая встреча случилась в школе. Первого сентября новенькая девочка появилась в классе. Переехав в этот город со своими родителями, она перешла в школу, по месту жительства. Некоторым бывает трудно адаптироваться к новой обстановке, новым людям и повышенному вниманию окружающих. Это внимание обеспечено почти всегда. Главный вопрос заключался исключительно в знаке этого внимания: плюс, или минус? Отрицательный, – сулил долгое и неприятное привыкание к статусу изгоя и опасностью остаться им навсегда. Нейтральный, – давал возможность просто ухватиться за край лодки, и тебя просто не будут бить по рукам, хотя и не помогут вскарабкаться в свою компанию. Хорошо, если у края лодки окажется кто-то тебе подобный с кем можно объединиться сложившимся положением.

Эта девочка была со знаком плюс. Казалось, она просто состоит только из них, от привлекательной внешности до непринуждённого и добродушного общения со всеми окружающими.

Белый фартук поверх тёмного платья, – обычная праздничная форма для девочек того времени. На её плечах, кружевным белоснежным облаком красовался ажурный воротничок, покрывая пологие линии девичьих плеч. Впереди он был расстёгнут чуть больше, чем у других и это не могло остаться без внимания учащихся школы. Мини юбка тоже была чуть короче, чем у остальных девчонок. Нельзя было пройти мимо и её стройных красивых ног. Они были у неё длиннее, стройнее и, разумеется, красивее всех остальных ног вместе взятых, причём не только в нашем классе и школе, но может быть во всём городе. Роскошный белый бант, венчающий её голову, придавал внешности некоторую кукольность, но совершенно не портил, лишь подчёркивая необычный облик этой старшеклассницы. Огромные глаза, в сочетании с тонкими чертами лица, завораживали. Девочка могла смело козырять своей броской внешностью, поскольку вдобавок ко всему была ещё круглой отличницей. Необычное сочетание.

Первая встреча, о ней невозможно забыть. Об этой девчонке сразу стало известно всем и всё, одновременно с тем, что точно о ней ни кто и ни чего не знал. Фантастическая новенькая! Он смотрел не неё, как и многие другие с благоговением и надеждой. Некоторые мальчишки сразу отказались даже от попыток войти в круг её друзей, трезво оценив свои шансы, или вернее полное их отсутствие. Такая как она могла обратить своё внимание только на самого – самого. Какого? Умного!? Красивого!? Сильного!? Одновременное сочетание этих качеств сужало круг претендентов до нуля. Так, что: «Шансы были» – думали отличники, не из «батов», симпатичные хорошисты, и крепыши – троечники.

Со дня их первой встречи он думал о ней не как об очередной симпатичной девчонке, с которой можно весело отплясывать на дискотеке или гордо гулять по району, держась за руку, под завистливыми взглядами других обожателей. В нём проснулось нечто большее, неведомое доселе чувство. Его прежние симпатии к противоположному полу тоже были искренними, он любил всех, но по-другому. Он дружил со многими девчонками, ходил на танцы, в кино и целовался украдкой в тёмном зале. Но эта девчонка будто столкнула его с проторённой дорожки в незнакомые дебри. Всё перевернулось в его сознания. Ранее известные ему чувства и ощущения вытеснялись неудержимым желанием быть всегда рядом с ней. Вот только теперь ему хотелось не просто гордиться дружбой с красивой одноклассницей, вызывая чувство зависти у других, а трепетно служить ей, потакать всем её желаниям, помогать в трудностях, преодолевать их вместе, или вместо неё. Быть опорой, другом, братом одновременно. Она автоматически становилась для него той, с кем можно было поделиться самым сокровенным, чего раньше с ним никогда не случалось. Самым знаковым в его внутренней метаморфозе было то, что он вдруг начал писать стихи. Просто какая-то навязчивая потребность в стихосложении захлестнула его. Конечно, эти стихи сразу прятались, и никто не мог прочесть, и заглянуть в его внутренний мир. Ей он тоже не говорил о своих чувствах, лишь надеясь и одновременно

боясь, что она сама всё отлично понимает. Хотя, как можно было ей выделить его из общего количества поклонников? Они просто дружили.

И когда его товарищ проявил к ней свою симпатию с большей инициативой, с ухаживанием, а девочка была не против такого внимания, ему не стало очень обидно. Не потому, что он мямля или выбор пал на его друга, просто он хотел счастья именно для неё. Помогая товарищу развлекать её, он часто ставил себя на его место. Он радовался за двоих, но и грустил, бывало... Зато писал стихи.

Её день рождения пришёлся на период трудового лагеря, в подшефном совхозе, куда от школы направили несколько классов. В деревне, без подарков, его товарищ собирался поздравить её только на словах, что было категорически недопустимо для него. Она должна быть приятно удивлена! Он сам всё устроил. Убедил товарища, нашёл болото с кувшинками. Их нельзя было рвать заранее днём, завянут, да болтовни лишней много. Ночью, после отбоя, в впотьмах отыскивали примеченный водоём, и он полез за жёлтыми цветами. Товарищ должен был оставаться сухим и чистым на берегу, контролируя обстановку. Потом, уже в палате, бдительно следил за часами, а как только наступили новые сутки – день её рождения, растолкал отдыхающего друга, отправив его в палату девочек на второй этаж по пожарной лестнице, – первым поздравить её.

Много историй, случаев произошло до, и после, но они просто дружили.

Их встреча изменила его на долгие годы. Иной раз, в мечтах, он представлял её любящей матерью своих будущих детей, и умиротворённая тёплая нежность селилась в его душе. Во всяком случае, он хотел так думать. Уйдя в армию, он продолжал мечтать о ней, вспоминая всё самое хорошее. Иногда представляя себе, как она встречает его из армии, хотя уходя, он не попрощался ни с одной из своих знакомых девчонок, лишь друзей позвав на свои проводы. Зачем все эти прощания, слёзы, обещания, письма, ожидания, но в глубине души, хотел... А там, на чужбине, вспоминалось всё: её голос и смех, прогулки и разговоры, танцы и выпускной вечер, вся эта память согревала его в далёком краю и даже рисовала несбыточные картинки невозможного будущего. Но так надо. Просто необходимо чтобы у человека непременно была его, если не путеводная звезда, то, по крайней мере, мечта. Светлая и добрая.

Шло время, мелькали люди, события, годы. Она ещё иногда, крайне редко и случайно появлялась на его жизненном горизонте и уплывала в свой далёкий мир. Он каждый раз лишь провожал её взглядом, мыслей и тайной надеждой ещё, когда-нибудь встретиться с ней.

Букет Абхазии

Эта история, рассказанная ниже, не имеет никакого отношения к цветам из Абхазии. А Абхазия тогда ещё входила в состав Грузинской ССР. Однако она напрямую связана с виноградарями Алазанской долины. А произошла эта история с Вовкой Фоминым, моим сокурсником. Мы учились в институте, на вечернем отделении одного из московских ВУЗов.

Приходит он в четверг, вечером, весь в растрёпанных чувствах.

– Ты что такой смурной? – спрашиваю его.

– Да, как сказать? Объяснить почти невозможно.

– А ты попробуй, я же не дурак.

– Помнишь, я тебе про Лауру рассказывал?

– Как не помнить...

И Вовка мне поведал о том, что она просила привезти ей из Сухуми, куда Вовка летал в прошлые выходные на экскурсию, бутылку хорошего вина местного разлива.

Лаура, была той девушкой, отношениями с которой Вовка особенно дорожил и даже гордился. Иногда она этим пользовалась и выдавала ему свои «маленькие капризы». Вино он, конечно, привёз. Да, вот Лаура вдруг неожиданно заболела. Встретиться им было невозможно, в силу объективных обстоятельств. Поскольку работали они в одном учреждении, то и вино, Вовка решил оставить у себя на работе, в столе. А девчонки из его отдела, вчера устроили там себе девичник, после работы. Увлеклись и «раскулачили» Вовкин стол. Они просто представления не имели, что значила для него эта бутылка вина.

Узнав об этом по телефону, Лаура просто резко бросила трубку, успев сказать ему, болезненным голосом, что ей всё понятно. Больше, к телефону, она не подходила.

– Мне надо обратно в Сухуми, – вдруг заключил он.

– Ты, что, с приветом? Ты из-за этой ссоры в Сухуми собрался? Да она через день обо всем забудет!

– Я не забуду, ни разговора, ни голоса её. Ты не слышал, как она говорила. Я обещал, и должен привезти это вино!

– Ну, ты совсем спятил! Ты все бросишь и полетишь в другой город за бутылкой вина?

– У тебя деньги есть?

Всей требуемой суммы, у меня, естественно не было. Стоимость билетов мы только могли прикинуть приблизительно. Поговорив, между парами занятий, с другими ребятами, более солидными, чем мы, нашли, кто сможет одолжить завтра денег, без лишних разговоров.

Пятница. Вовка заскочил в институт только за деньгами и сразу в авиакассы.

– У нас в понедельник лабораторная, – напомнил я ему, – пропускать нельзя.

– До понедельника, как до Луны. Я завтра туда, и обратно. В воскресенье, – к ней. Ладно, пока. Я, погнался.

В авиакассах продали билет только до Сухуми: «Обратный, купите на месте», – завершила кассирша.

Потрачено почти половина занятых денег. Теперь у Вовки оставалось только на обратный билет, пару бутылок вина да перекусить что-нибудь в дороге. Вернувшись, домой, Вовка сказал маме, что утром уезжает к другу на дачу. «Возможно с ночёвкой, – как знать на какой рейс ему достанется обратный билет. Зачем мать зря волновать, если придётся задержаться».

Утром, мама успела испечь, им с другом, ватрушек «с собой на дачу».

Вовка поднялся по трапу на борт «ИЛ-86» в приподнятом настроении. Неделию назад, он уже летал этим маршрутом, что немного забавляло его перед полётом. В самолёте он занял своё место, пристегнулся ремнём, не дожидаясь объявлений бортпроводницы. В полёте, Вовка

наслаждался потрясающими видами, проплывавшими в иллюминаторе самолёта. Скользя над облаками, он поражался многообразием, казалось бы, одинаковых картин.

Приземление было штатным. Вовка решил сразу приобрести обратный билет, чтобы точно знать, сколько свободного времени и денег останется в его распоряжении. Очередь в кассу оказалась большой. Он занял её и вышел на улицу, перекурить свой перелёт. Вернувшись к кассам, обнаружил, что очередь совершенно не двигается, но прибывает. Сверившись с расписанием отправляющихся в Москву рейсов, он посчитал, что будет правильнее, съездить в город за вином, а, уже вернувшись, ждать в очереди «до упора».

Заняв ещё раз себе место, среди желающих приобрести билет на самолёт; вдруг первая пройдёт пока его не будет, Вовка бодро вышел из здания аэропорта. Сразу, напротив выхода, останавливался автобус, направляющийся в центр города. Запрыгнул в него, устроившись у окошка. Снова смотрел на местные селения вдоль дороги, потом город, а вот и улицы, по которым он гулял неделю назад.

Вовка выскочил из автобуса, у того самого магазина, где уже совершал покупку. На этот раз, он решил купить не одну бутылку, учитывая возможные форс-мажорные обстоятельства. Пара бутылок «Букета Абхазии» позвякивала в его сумке. «Нечего тут гулять, – подумал он, про себя, – город я уже видел, – весь обошёл. Надо торопиться в аэропорт, если что, лучше там посижу, перекушу в хинкальной». Дождавшись автобуса, с чувством того, что всё идёт по намеченному плану, он стал любоваться обратной дорогой.

Войдя в здание аэропорта, Вовка не нашёл своей очереди, но приятно удивился тем, что открылись ещё несколько окошек, приблизив его к обратному билету.

– Один до Москвы, на ближайший рейс, – сказал Вовка, протягивая в кассовое окошко паспорт с деньгами.

– На Москву, билетов нет, – ответило окошко.

– Ну, дайте на любой другой, только сегодня, пожалуйста.

– Ближайший рейс на Москву, на который есть билеты, – только через месяц. Брать будете?

«Через месяц»? Вовка, с деньгами, вложенными в паспорт, отошёл в сторону. «Как, через месяц? Я, не понял». Он сунул всё в карман, оглядываясь по сторонам. Всё было реально, он не спит. Вышел на улицу, закурил. «Какой месяц? У меня денег только на обратный билет. Я, хрен знает, где от дома, в чужом городе». Увидев скамейку, Вовка рухнул на неё. Снова закурил, пытаясь выйти из прострации и подавленности. Подняв отяжелевшую голову, пустым взглядом он смотрел в никуда. Но через некоторое время стали прорисовываться и проходящие мимо люди, и здание аэропорта, и хинкальная, которую он приметил, ещё уезжая в город. Есть Вовка уже не хотел, но жажда, повела его в это заведение. Вовка взял кружку пива, и выпил её залпом. Вернулся на скамейку. Пытаясь успокоить себя, он стал рассуждать о любой другой возможности своего перемещения, в родной город. «Ведь есть здесь ещё что-то, помимо самолётов и автобусов? Что? Вокзал! – вдруг осенило его». Вовка, чуть не подпрыгнул на месте. «Конечно же, – вокзал! Ведь здесь должны быть поезда! Что я за идиот! – он схватил в охапку, сумку с вином, отыскивая взглядом автобус».

– До железнодорожного вокзала, на каком тут доехать?

– Садись, – ответил водитель автобуса.

Опять у окошка, но только на этот раз с нервной тревогой, от пережитого потрясения. Теперь Вовка смотрел из автобуса, не замечая ничего. Его взгляд словно был устремлён к железнодорожному вокзалу, сквозь местные дворы и домики, на которые он не обращая ни малейшего внимания. Пятый раз, за одну неделю, он ехал по этой дороге. Вот, и вокзал. Вовка как бегун на стадионе срывается с низкого старта, устремился искать билетную кассу. «Очередь, и здесь опять очередь, и только одно окошко, – нервничал он, вставая за полной дамой, – странная какая-то очередь, совсем не двигается. Все ходят туда – сюда, окошко

открыто, а с билетами, никто не отходит». Вдруг, чуть позади него послышался чей-то лёгкий шепоток: «Билетов нет...». Фомин нервно завертелся на месте, будто пытаясь взлететь, и обратился к женщине впереди:

– А что не двигаемся?

– Билетов нет. Бронь ждём.

Всё рухнуло, внутри моего друга. Он потерялся, до такой степени, какая ему даже не могла присниться, в страшном сне. «Нет билетов, – это катастрофа! Что же делать? Других транспортов я не знаю. Автобусы в Москву отсюда ходят?»

– В Тбилиси, билетов нет, – вдруг донеслось до его ушей.

– В Тбилиси нет? – громко переспросил он из своего транса, обращаясь в сторону услышанной фразы.

– В Тбилиси, нет! – подтвердили ему.

– А в Москву, есть? – крикнул он, обращаясь уже ко всем присутствующим.

– Вы в кассе спросите, что кричать, – направили его.

– Вы, тоже в Тбилиси? – начал он торопливый опрос, впереди стоящих граждан, перебегая от одного к другому, в направлении заветного окошка.

Их утвердительное молчание, вздохи, или кивки головой, довели его до кассовой амбразуры.

– А до Москвы, девушка, есть?

– Да, Вас какой поезд интересуется?

– Любой, ближайший поезд!

– Ближайший, – проходящий, через восемнадцать минут место... Вовка уже не слышал подробностей, просовывая в окошко деньги. Не камень, глыба, свалилась с его плеч, высвобождая скомканные в аэропорту крылья. Заплатив за дырявый кусок картонки, именуемой билетом, смешные деньги, у него ещё оставалось пятнадцать минут чистого времени на покупку съестного себе в дорогу. Он вдруг почувствовал страшный голод. Голод воодушевления и счастья. «На всё про всё, у меня десять минут, – прикидывал Вовка, – и бегом, обратно на платформу, ловить свой вагон. Стоянка-то всего пара минут, как ещё уедет без меня, вот смеху будет, или чего».

Быстро купив каких-то пирожков и воды в дорогу, Вовка кинулся искать нужную платформу. Подошёл поезд. Он отдал свой билет проводнице, вскочил в вагон. Его боковое место, было почти в конце вагона. Усевшись на эту полу полку со столиком, Вовка только теперь начал успокаиваться. На лице появилась глуповатая улыбка. Мир стал обретать гармонию. В его сознание постепенно стало приходить то, что поезд этот будет ехать весь завтрашний день и ещё ночь. «В Москву, я попаду только в понедельник, зато рано утром, и успею на работу, – прикидывал Вовка, – разницы стоимости этого плацкарта, от авиабилета, хватит ещё на буфет, и нужно оставить на парикмахерскую». Брился и мылся Вовка только сегодня утром, а к понедельнику, его голова будет выглядеть не самым лучшим образом. «Надо сначала, ватрушки мамины съесть». После чая, Вовка совсем уже расслабился и, почувствовав, наконец, усталость лёг на разложенную полку. Без единой мысли перед сном, он провалился в него, утрамбовываемый монотонным покачиванием движущегося поезда.

Следующий день проходил в томительном ожидании возвращения домой. Какой насыщенный, и активный был день предыдущий, и вот этот, – полная ему противоположность. Все кроссворды были разгаданы, и единственным развлечением Фомина, оставались короткие остановки поезда, на которых он мог выйти на платформу. Пирожки у бабулек скрашивали однообразие его поездки. Наконец наступил вечер, когда можно было отвернуться от шатающийся по проходу пассажиров.

Долгожданное утро, и дорогой сердцу, московский вокзал. «Вот, я и дома, – с удовольствием подумал Вовка, – напротив работы есть парикмахерская, сначала туда».

– Помыть голову и побриться, пожалуйста!

«Как приятно она массирует его голову с душистым шампунем, – наслаждался вернувшийся путешественник, – так бы и сидеть здесь. И не ходить на работу, но Лаура! Сегодня она должна появиться на работе, после больничного. А тут я, весь такой душистый, и с обещанным вином...».

Тёплые струйки воды, полотенце на голову. Компресс на щетину, и миленькая девушка, виртуозно орудуя опасной бритвой, приводила в порядок его лицо. Финальные брызги одеколona, как салют в честь окончания его неожиданного приключения.

Лауре, он, конечно же, ничего не расскажет, о своём скоротечном вояже за «Букетом Абхазии».

Одна ночь

Как, это всё началось? Ещё, кажется, вчера я вёл беззаботную, хотя и весьма насыщенную жизнь. Меня мало заботили собственные чувства, а уж чувства чужие, мне вообще были безразличны. Я просто жил, как говорится, «сегодняшним днём». Старался выжимать всё до последней капли из каждого прожитого дня. Подзарабатывал иногда на «халтурках» лишних денег, чтобы потом весело спустить их в каком-нибудь кабаке, в компании симпатичной пассии. Всякие там чувства, или любовь отсутствовали в моём понимании, и даже отдалённо не брезжили на жизненном горизонте. Меня вполне устраивали кратковременные отношения без каких-либо обязательств. Две – три недели были достаточным сроком. Любой намёк со стороны подруги на роман с долгоиграющими планами приводил к мгновенному прекращению всех отношений. Связывать себя какими-то там чувствами я считал неинтересной глупостью. Ведь вокруг столько симпатичных девиц. Оттого я частенько крутил свои амуры с двумя, или тремя девушками одновременно. Правда, иногда, брал перерыв.

Но разве эти чувства будут спрашивать: когда им приходиться, а когда нет? Как произошло то, что совершенно обычная знакомая, известная мне не первый день, вдруг стала смыслом моей жизни. Это не было любовью в первого взгляда. Не было и постепенного привыкания. Всё произошло внезапно, я даже не осознал, как. Словно меня околдовали, опутали, приворожили. В груди защемило жгучей страстью, а голова пошла кругом... В безнадёжность своего положения мне не хотелось верить. Однако, рассудок, здравый смысл, – всё захлестнула огромная волна любви. Она просто смыла меня с уютно облюбованного и бесчувственного пляжа в бурлящий водоворот чувств. Внезапно оказавшись в любовном океане, я утопил сознание в пучине грёз и розовых мечтаний. Юношеский максимализм стал вдруг рисовать радужную перспективу счастья. Но реальность непреклонно диктовала иное. А я плыл по течению, иногда совершая безумные попытки преодолеть его. Потом, снова отдавался силе стихии, блаженно ловя каждое мгновение с ней, подаренное мне судьбой. Невозможно было только одно – вновь вернуться на берег. И я плыл...

«Суббота. Последняя майская суббота, – посмотрел я на календарь, – такая долгожданная для меня, но такая мучительная. Ждать и догонять – самое неприятное занятие. А ждать пришлось весь день. Нет, ждал-то я целую неделю! Но только сегодня день был особенный, выходной. В суете рабочих будней гораздо проще коротать время. Субботний день тянется неприлично долго! Иногда сердце в груди начинает колотиться огромным барабаном только от одного предчувствия того, что должно произойти этой ночью. Потом успокаивается. Ждать и догонять... Догонять тоже мне придётся. Или пытаться догнать и поймать всё упущенное. Поймать и вернуть себе. Но почему „упущенное“? Я ничего не упускал! Просто так сложилось, что мы с ней не встретились раньше. На много раньше. Не могли встретиться».

Эту субботу пришлось ждать целую вечность, которой показалась прошедшая неделя. Ровно неделя отделяла от прошлого воскресенья.

Наскоро поужинав, я вышел из дома. Ноги сами понесли меня к железнодорожной платформе. Я шёл, то ускоряя шаг, то взглянув на часы, замедлял его. Вышел из дома заблаговременно, не в силах более томиться ожиданием. Теперь приходилось останавливать свой собственный порыв, ведь раньше условленного времени приезжать было нельзя. Можно было бы поехать на метро, что увеличивало время в пути. Но замкнутое пространство подземки душило. Волнению, переполнявшему грудь, нужен был простор. Тамбур электрички позволял смотреть в окно на проносящиеся мимо пейзажи, и курить.

В этот вечер на платформе немногочленно. Все, кому надо было куда-то ехать, – уже разъехались.

«Через пятнадцать минут я буду почти на месте. Сколько сейчас время? – посмотрел я на часы, – ещё рано. Может быть, автобуса долго не будет? Вот уже электричка».

Время в пути пронеслось незаметно. Знакомая платформа. Переход к автобусной остановке. Обычно, когда очень торопишься, ни автобусов, ни троллейбусов не дожждаться. Всегда они где-то задерживаются, и ходит крайне редко, битком набитые пассажирами. А когда располагаешь временем, полупустой городской транспорт шныряет один за другим. Вот и теперь, автобуса ждать не пришлось.

Я решил выйти из него на две остановки раньше, чтобы пройти пешком. «Снова примчался раньше времени, хоть останавливал сам себя. Но, как остановиться, когда ноги сами несут? Как остановиться, когда в груди всё колотится, как часы, отбивая бой, отсчитывая часы, минуты»?!

Дождавшись, наконец, условленного часа я подошёл к телефону – автомату. «Вот он, – мой связной». В кармане заранее разменянные «двушки». «Пора звонить». Я, уже выучил наизусть особенность этого таксофона, «глотающего» монетки. Набрал номер, придерживал двухкопеечный медяк пальцем, чтобы тот не провалился раньше времени. От волнения слегка вспотели ладони. После двух гудков трубку подняли, и аппарат сработал.

– Алло.

Я отпустил палец, и монета скользнула в аппарат, – он сработал во второй раз.

– Алло? – ещё раз прозвучал знакомый голос.

– Я приехал.

Трубку положили. «Ещё полчаса и можно подниматься». Приближаясь к подъезду, я вновь почувствовал волнительное сердцебиение. Код домофона отворил мне входную дверь. На лифте поднялся двумя этажами выше нужного, поскольку в тишине спящего дома звук лифтовых дверей становится особенно громким. Вышел на лестничную клетку. Спустился ниже на один этаж. «Отсюда хорошо видна дверь внизу, которая должна открыться, но сам я останусь неприметным, если появится незнакомое лицо. Здесь можно покурить в ожидании».

Минутная стрелка, как приклеенная к циферблату часов, еле двигалась. Наконец, дверь приоткрылась, и показалась она:

– Пойдём.

Она быстро провела меня к своей квартире сквозь коридор с соседними дверями. Мы зашли, тихо закрыв за собой дверь. Она приложила палец к своим губам, жестом направив меня в открытую дверь комнаты. Разувшись, я прошёл, ожидая её. Через минуту появляется она.

– Только что заснули, – прошептала она, подойдя ко мне.

– Милая, – я взял её руку, нежно целуя, прижимаясь к своим губам.

– Садись, – продолжает шептать она, усаживая нас на диван, – чаю хочешь?

– Нет, что ты, – так же шепчу я, не сводя с неё глаз.

– Чем занимался?

– Ждал вечера.

– Что, вот так, сидел и ждал?

– Не помню точно, что-то делал, наверное... Но всё это не важно...

– А, что важно?

– Только ты!

– Так нельзя. Тебе нужно найти себе кого-то.

– Я уже нашёл.

– Это всё глупости. Я тебе не нужна.

– Не говори так. Ты единственная, кто мне нужна.

Я повернулся к ней вполоборота, крепко взяв за плечи, и притянул к себе.

– Так я же не единственная, – пытается сказать она, хоть всё её существо, не слыша саму себя, покорно поддаётся моему влечению, – у меня дети, муж, ты помнишь?

– Я же говорил тебе, что усыновлю детей. Разводись.

– Глупенький...

В её улыбке скорбная печаль. И я, не дав ей договорить, прикрываю сладкие уста своим страстным поцелуем. Прижимаю к себе с неукротимой, но нежной силой. Мягкие губы любимой отвечают взаимностью.

«Боже мой! Как я её люблю! Всё отдать за неё...»

Она, повинуясь своему чувству, высвобождает любовную страсть. Её губы, щёки, волосы, вся она теперь его, а он её. Нет в этот миг больше никого и ничего на свете кроме них.

Моя рука, проскальзывая вниз, развязала пояс на её халате. Она, легко сбросив его, торопливо расстёгивает пуговицы моей рубашки. Сняв её через голову я, наконец, смог прильнуть к её обнажённому телу. Мы повалились на диван...

– Я так люблю тебя милая, ты даже не знаешь!

– Знаю, – с горечью в голосе говорит она, поправляя мне растрёпанные волосы.

– Я хочу жить с тобой, а не встречаться украдкой.

– Я тоже. Но ведь это...

– Ты любишь меня? – прервал я её.

– К несчастью... Стала бы я так рисковать, устраивая наши встречи?

– Не знаю...

– Пойдём на кухню, пить хочется. Тебе чай, или кофе?

Она накинула на себя халат. Я нашёл у дивана джинсы, быстро натянув их на голое тело. Мы тихо прошли мимо детской комнаты в кухню. Женщина поставила чайник на плиту. Закурила.

– Во что налить воды? – спросил я.

– Компот хочешь? Очень вкусный.

– Верю. Нет, мне простой воды.

– Вот, – она подала стакан с кувшином воды, – а знаешь, есть медовуха собственного приготовления. Попробуешь?

Я выпил воду залпом.

– Давай попробуем, – закуривая, согласился я, – никогда не пробовал.

Она достала из шкафчика бутылку тёмного стекла и налила в две рюмки мутной жидкости. Свет в кухне не зажигали, но уличные фонари достаточно освещали всё пространство. Мы чокнулись, и выпили по рюмке.

– Вкусно. И ты сама её делаешь?

– Почти сама, – она села на стул, усаживая меня рядом с собой, – у родителей есть несколько ульев. А соты после откачки мёда заливаем водой, остатки перебродивают.

Мы сидим с ней на кухне, глядя друг другу в глаза, разделяемые углом стола. Наши руки нежно держатся вместе. Нам ни на минуту не хочется отпускать друг друга, ведь эти встречи так редки, и так быстротечны.

– Ты, что вдруг загрустил? – ласково и участливо спросила она.

– Знаешь, я иногда чувствую себя вором. Ты всю неделю с мужем, а мне остаётся только эта ночь. Одна ночь!

– Тебе не нравится?

– Что ты, милая! – поспешил оправдаться я, притягивая к себе её нежные руки, – что ты, – склонив свою голову навстречу им, и став целовать их, – что ты? Я счастлив, быть с тобою хоть сколько-нибудь, сколько скажешь... Но я счастлив, и несчастлив я...

Прижавшись к её рукам, я замер. Потом подняв голову проговорил:

– Вот тут, кстати, я тебе стихи новые написал, с таким же названием.

– Хорошо. С каким названием?

– «И счастлив, и несчастлив я».

– Давай, я с удовольствием прочту.

– Кажется, в рубашке остались, – хлопнув себя по джинсам, вспомнил я, – в кармане рубашки.

– Мне очень понравились твои прошлые стихи. Я их часто перечитываю. Спасибо, – она встала, подойдя к плите с закипевшим чайником, – тебе чай, или кофе?

– Кофе.

Заварив растворимый кофе, она поставила чайник, но осталась неподвижно стоять у плиты. Я неотрывно глядя на неё, заметил это замешательство. Встал. Подошёл к ней сзади. Обхватил руками в кольцо её плечи, прижимая к себе. Она откинула голову назад, мне на плечо.

– Что с той, милая моя?

– «Одна ночь», – процитировала она мои слова, сказанные раньше, – а ведь она у нас с тобой последняя.

– Как последняя? Что-то случилось?

– Да. Я больше не смогу отправлять мужа к своим родителям на выходные. Он им там всё доделал. И вообще мы теперь все вместе поедem к ним в отпуск. Они очень ждут и меня, и внуков... Так что, эта ночь у нас с тобой последняя.

Пауза повисла в ночи. Ни возражать, ни опровергнуть данную новость мне было нечем. Ещё с минуту мы стояли молча.

– Пойдём, – вдруг повернулась она, крепко взяв меня за руку.

Она увела меня обратно в комнату. Мы страстно любили друг друга почти до изнеможения.

Вернувшись на кухню, выпили холодный кофе. Закурили.

– Боже мой, ну где же ты был раньше? – вдруг вырывается у неё с болью, – ну найди же ты себе кого-нибудь, прошу тебя.

– Я не могу жить без тебя, – провёл рукой по её волосам.

– Ну, что мне с тобой делать?

– Выйти за меня замуж.

– Ты, помнишь, что я старше тебя?

– Это не важно.

– Я знаю, что для тебя это не важно. Но это важно для меня.

– Почему?

– Да потому, что через несколько лет я постарею, а ты всё также останешься молодым и красивым.

– Я тоже постарею.

– Брось, – грустно улыбнулась она, – ты ведь понял, о чём я говорю. Ты будешь на молоденьких смотреть, а я, сидя дома сходить с ума от ревности.

– Не буду. Ты у меня одна.

– А дети? Ты разве своих детей иметь не хочешь?

– Ты мне родишь.

– У меня уже есть двое.

– Будет трое.

– Какой ты упрямый. Я старая для тебя!

Она посмотрела мне в глаза с преданной щенячьей любовью. С надеждой на то, что я хотя бы попытаюсь образумиться. Но, видимо мой взгляд «сказал» ей обратное. Она с грустью взяла мои руки в свои:

– Зачем ты тогда пошёл провожать меня? – она уткнулась в моё плечо, – что ты нашёл во мне?

Её волосы оказываются перед моим лицом. Сладостно вдыхая их аромат, я бережно погладил их.

– Что же нам делать, милая?

– Не знаю. Отпусти ты меня. Женись, что ли уже на ком-нибудь. Ну, неужели тебе девок не хватает? Ведь табунами за тобой бегают, я знаю.

– И жить без любви?

– Но я живу.

– Зачем? Кому всё это нужно, чтобы мы так мучились?

– Моим детям. Мой муж меня очень любит. Дети любят его. Я не могу всё бросить.

За окном стремительно светлеет. Майская ночь растаяла в солнечных лучах. Лишь воскресное утро оставляет улицы города безлюдными.

– Скоро пять часов. Тебе пора уходить.

– Да, я знаю.

– Иди, пока соседи не зашевелились.

– Я иду.

– Приедешь, спать ложись.

– Спать?

– А я лягу. Дети встанут, спать не дадут.

– Ты позвонишь мне?

– Позвоню. Иди.

Она обвила мою шею своими руками и целует так, будто прощается со мной навсегда. Впрочем, мы каждый раз прощаемся с ней навсегда.

Снегурочка

Новый год – любимый праздник многих!

– Мой, тоже! – раздался голос из-под праздничной ёлки, – особенно с момента, когда потихоньку начинаешь прощаться со «Старым»...

– Почему «потихоньку»?

– Некоторые считают, что «Старый год» можно успеть проводить, сев за стол в одиннадцать часов.

– И правильно. Вам, что часа мало?

– Конечно, мало. Станный вопрос. А вспомнить всё хорошее... А поговорить...

– Да, ладно. Вам бы только выпить.

– И выпить приходится, для памяти. Вот Вы заметьте: рюмка – мысли просветляет, вторая – память пробуждает, расшевеливает... Ну, а уж третья, – и поговорить...

– Агас, директор!

Лидия Сергеевна – директор детского сада, царственной походкой вошла в актовый зал вверенного ей учреждения.

– Когда закончите наряжать ёлку, пожалуйста, Алексей Петрович, проверьте ещё раз гирлянду на уличном Снеговике. Как-то она не так мерцает, как в прошлом году.

– Конечно. Только ведь я понятия не имею, как она моргала в прошлом году. Я только с сентября у Вас работаю.

Лидия Сергеевна немим пристальным дозором обошла актовый зал. Отсутствие замечаний свидетельствовало о полной удовлетворённости «Хозяйки медной горы», как в шутку и за глаза прозвал её новый электрик, он же и плотник – Алексей Петрович.

– А, что Петрович, серьёзная жена-то у тебя? – продолжил прерванный разговор, после ухода директора, Николай – учитель физкультуры и дополнительных занятий по ОФП.

– Нормальная, жить можно.

– Алексей Петрович, – вступила в диалог Элеонора Семёновна, – преподаватель музыки, пения и режиссёр – постановщик детских утренников, – так Вы, во сколько начинаете проводить «Старый год»?

– По-разному. Строгого расписания у меня нет. Однако записка всегда должна быть в боевой готовности.

– Марина Николаевна, – обратился молодой физрук к учителю английского языка, – а ты дома Новый год встречаешь?

– Естественно, вот только не скажу в каком, – лукаво улыбнулась молодая девушка и молодой специалист, недавняя выпускница университета.

– Кокетничаете!?

– А ты в гости набиваешься, или хочешь пригласить?

– Мариночка Николаевна, я, как человек необременённый семейными узами готов к любому варианту.

– Коленька, а мама пустит?

– Мне двадцать шесть; уверен – пустит.

– А вот моя, не пустит.

– Я попрошу её.

– Она тебя не пустит. Ну и меня тоже.

– Стремянку уношу, – огласил Петрович, вылезая из-под ёлки, – так что, здесь точно отмечать не будем?

– Алексей Петрович, это же детское дошкольное учреждение, – удивилась Элеонора Семёновна, – не вздумайте принести сюда свои заготовки. Лидия Сергеевна Вам устроит такой фейерверк.

Новогодний утренник в детском саду проходил в один день, но в два этапа. Небольшой зал просто не позволял одновременно вместить в себя всех детей с их родителями, бабушками и дедушками. Сначала, поздравляли самых маленьких детишек. Потом шли старшие группы. Для полноценного утренника пригласили Деда Мороза со Снегурочкой из подрабатывающих студентов. В них дети гарантированно не смогли бы опознать работников детсада. Костюмы у студентов свои. Гонорары меньше, чем у профессионалов. А по необходимости, свободные воспитатели, или другие работники могли подыграть приглашённым, нарядившись лисичкой, зайчиком, или Бабой Ягой, в зависимости от сценария. Прежний электрик – плотник практически был штатным серым волком, похищающим то мешок с подарками, то разноцветные огоньки с новогодней ёлочки. Петрович категорически отказался пугать ребятшек, чем вынудил Элеонору Семёновну откорректировать сценарий праздничного мероприятия.

Николай, в образе Кощея Бессмертного, согласился похитить Снегурочку. Флуоресцентная краска на чётном трико под ультрафиолетом, в совокупности со спортивной подготовкой исполнителя, должны были произвести впечатляющий эффект на детей и их родственников.

Элеонора Семёновна распечатала новый сценарий детского утренника. Раздала экземпляры директору, воспитателям и другим, задействованным в мероприятии лицам с пометками музыкального оформления. Музыка, – являлась переходным элементом смены действий и ориентировала всех участников праздничного мероприятия. Каждый сказочный или реальный персонаж обязан был знать, в какой музыкальный момент он должен оказаться перед зрителями, что сделать, сказать, и когда исчезнуть. Первая, она же генеральная репетиция прошла подобающе коряво со шпаргалками, шутками, замечаниями, исправлениями. Деда Мороза со Снегурочкой заменяли Петрович с Мариной, не задействованные в утреннике, что позволяло им импровизировать и хохмить с большей непринуждённостью. Приглашённому Деду сценарий отправили факсом. Им не впервой, справляться без репетиций. А хороводы, песенки, снежки и прочие детские потехи всегда в арсенале любого затейника.

В день утренника Николай разволноваться. Не стал завтракать, лишь выпил крепкий кофе. Он не боялся ребятни. Легко проводил с ними все спортивные занятия. Дети его любили, с удовольствием участвовали во всех мероприятиях проводимых как в зале, так и на улице. Родителей Николай тоже не смущался. С детства занимаясь в спортивной школе, он многократно выступал на соревнованиях самого разного уровня. Такие залы всегда были полны родителей, дедушек, бабушек. Вот только на сцену он никогда не выходил. Хотя это и не совсем сцена: просто зал с ёлкой, где по краям сидят на лавках, стульях дети, их родные. Но всё же: костюм, слова, музыка, а по краям сидят зрители... Бравата, ещё вчера уверенно присутствующая в нём на репетиционном прогоне, пропала напрочь. Ведь это его первый и кажется последний Новый Год в детском саду. Ему обещали вакансию тренера в спортивной школе, куда он перейдёт следующим летом. Там наконец-то он сможет заняться своим любимым делом на более серьёзном уровне. Николай станет тренировать ребятшек и сможет готовиться сам, продолжая свою спортивную карьеру.

Снеговик в переливающейся гирлянде по-праздничному красочно встречал маленьких обитателей детского сада. Некоторые родители фотографировали своих детей рядом с улыбающейся скульптурой из снега.

Всю предновогоднюю неделю не прекращались осадки. Декабрьский план по снегу зима выполнила с лихвой. Тяжело вздыхали дворники, но радовались дети, забрасывая друг друга снежками. Ледяные горки собирали вокруг себя всё большее количество желающих подвергнуть себя скользкому аттракциону. На территории детского сада каждая площадка всех воз-

растных групп красовалась своей скульптурной композицией. Дворник с охранником, и Петровичем, активно снабжали детей материалом для изваяний. Убранный с дорожек и катка снег превращался в колобков, снеговиков, лисичек и даже в крокодила. Однако Снеговик – исполнин к возведению, которого приложили свой посильный труд многие, выглядел апофеозом снежного творчества. Его лепил охранник, некогда обучавшийся изобразительному искусству. Активную помощь ему оказывал Петрович. Многочисленные советы дворника мастера игнорировали. Раскрашивание было поручено преподавателю ИЗО. Метёлку и ведро, впоследствии расписанное под финифть, взяли у дворника. Фартук с морковкой у поваров. Гирляндой занимался всё тот же Петрович под пристальным руководством самой Лидии Сергеевны.

Предпраздничная суэта царила в актовом зале. Николай с Алексеем Петровичем заносили в зал дополнительные стулья и скамейки для участников и гостей, пожелавших присутствовать на Новогоднем празднике. Воспитатели проверяли мешки с подарками для своих групп, сверяясь с численностью детей прибывших на завтрак. Подписанные мешки прятали под ёлкой. Большая, нарядная лесная гостья упиралась своей макушкой в потолок. Под её пушистыми ветвями легко разместились все подарки. Элеонора Семёновна раскладывала перед музыкальным центром диски, согласно своему сценарию.

Всё шло по плану, кроме одного: не было Деда Мороза. Лидия Сергеевна в напряжённом волнении ждала Мороза с внучкой. Студенты – выпускники, подрабатывающие на детских утренниках, неприлично опаздывали. Марина боялась попасться директрисе на глаза, ведь это именно она посоветовала руководству пригласить на мероприятие своего хорошего знакомого.

Знакомый с посохом, мешком и девушкой появились почти в критический момент. Лидия Сергеевна, уже собираясь вносить серьёзные коррективы в сценарий, вышла к актовому залу, где вдруг в упор, столкнулась с высоким молодым человеком. Статный, с огромным мешком и серебристым посохом он, грудью заслонял свою напарницу, принимая огонь на себя. Но не успела директриса открыть рот, как была завалена лавиной поздравлений, извинений, вопросов, возмущений и негодований на бездействие городских коммунальных служб. Вынужденные: «Бросить свой автомобиль из-за невозможности проехать они продираться сквозь огромные сугробы, чтоб не огорчить маленьких детишек». Выскочившая из своего укрытия «англичанка» уволокла «опозданцев» в кабинет заместителя по учебно – воспитательной работе, отданный на праздник под гримёрку.

– Сашка, блин, какого чёрта? – зашипела на парня Марина, стараясь быть строгой, но негромкой, – я, как мышь тут прячусь от нашей...

Поцелуй Александра остановил гневную речь преподавателя.

– С Новым годом, Мариночка!

– До Нового года ещё дожить надо, – ласково ответила раскрасневшаяся учительница.

– Вот, знакомься, – Вика, – моя Снегурочка.

Девушка быстро поздоровалась, распаковывая мешок с костюмами.

– Ты всё помнишь? Снегурочку похитят, а дети своими новогодними стишками её освободят. Ты там что-то поколдуешь... Ёлочку зажжёте, хороводы, – сам знаешь...

– Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Лидия Сергеевна вошла в импровизированную гримёрку с суровым видом. Александр, успевший накинуть на себя атласную шубу, поправлял бороду перед зеркалом у двери. Вновь столкнувшись с Хозяйкой медной горы, он улыбнулся, широко раскинул руки в стороны, произнёс торжественно – приветственную речь теперь уже от имени Деда Мороза. Его сильный хорошо поставленный голос оставил каменную леди без реплик и комментариев.

– Лидия Сергеевна, позвольте... – подскочивший следом Николай попытался протиснуться в гримёрку.

Весть о том, что все в сборе поторопила его в кабинет заместителя директора. Во-первых, ему хотелось познакомиться со Снегурочкой, – естественное желание заранее увидеть ту

которую ему предстояло похитить, да не один раз. А во-вторых, и в главных, для спектакля ему предстояло облачиться в «кощеево трико с костями». Зам по учебно – воспитательной работе собственноручно нашла тесёмки с флуоресцентной краской на костюм в виде скелета.

– Здравсьте всем! Ты – Мороз, – протянул он руку Александру, – а ты, стало быть, Снегурка.

Николай подошёл к Вике, стоящей к нему спиной тщательно поправляющей свой полупубок. Снегурочка повернулась, чтобы шагнуть в направлении двери, где висело зеркало, но уткнулась в грудь физкультурника.

– Извините...

– Да, что Вы, – вдруг сконфузился Николай, увидев Вику.

– Ну, вот и перешли на «Вы», – подметил Дед Мороз, – ты, что ль похититель злобный и коварный? Смотри... Заморожу!

Николай отступил в сторону, освобождая проход к зеркалу.

– Хм, тебе трико пойдёт, – добавил Александр, указывая на вешалку с костюмом на дверце книжного шкафа, – стало быть, Кощей. Не холодно в одних костях-то?

– Бессмертный я! – ответил Николай, не поворачивая головы, – не замёрзну. А вот тебе попотеть придётся. У нас отопление хорошее...

– Ладно, ребята, – напомнила о себе Марина, – я побегу сказать, чтобы детей рассаживали, родители уже в зале. Вам дам знать светом! Вы поняли меня? – спросила англичанка, скрылась за дверью, – моргну светом!

Николай молча переодевался, лишь слушая, как Александр с Викторией уточняют детали утренника. Он встал перед зеркалом. Обильно выкрасил себе лицо белым гримом. Взял чёрную краску, собираясь подрисовывать очертания черепа и оттенить на нём впалые места. Рука с кистью, однако, чувствовала себя не совсем уверенно. Зеркальное отражение всё пыталось сделать наоборот. Николай шёпотом бранился, выказывая признаки раздражения.

– Давайте я, – подошла к нему Вика, заметя замешательство своего злодея.

– Пожалуйста, – он протянул ей кисть и краску.

Вика взяла грим, ловкими движениями кисти нанесла на неё необходимое количество краски, внимательно всмотрелась в выбеленное лицо Николая и принялась приводить его к виду Кощея Бессмертного.

Он молча смотрел на внимательное, сосредоточенное лицо Снегурочки. Её большие красивые глаза приковали к себе взгляд Николая. Серебрящаяся на ресницах тушь превращала их в колдовские. Сам он, потерявшийся в пространстве и времени заворожённо впитывал её в себя, не моргая. Она же словно не раскрашивала злодея, а создавала произведение искусства. Её твёрдые, уверенные движения успокоили его, а лёгкая нежность прикосновений погрузила злодея в эйфорию. Он попытался незаметно вдохнуть в себя её прекрасный аромат. «Чем она так изумительно пахнет? – подумал он». Ему захотелось наполнить всё своё тело божественным запахом этой волшебной Снегурочки, чтобы сохранить его в себе, как можно дольше. Он прикрыл глаза...

– Но-но, – неожиданно вмешался Александр, – не очень страшным его делай, мы к детям всё-таки идём!

– Тогда хватит, – улыбнулась Вика, довольная результатом своей работы.

Внимательное, милое лицо гримёрши, улыбалось волшебными снежинками сказочной внучки. Маленькие ямочки на щеках Снегурочки, чуть проглядывавшие из-под румян, подкупали своей детской непосредственностью. А взгляд, превратившийся в лукавый, как-то по-особенному теперь смотрел на Николая.

– Страшный, о-ой! – констатировала она, отдавая новоиспечённому Кощею краску с кисточкой.

– Ребята, через пять минут начинаем, – проговорила голова Марины, занырнувшая в кабинет, – я вам светом в коридоре моргну. Дверь пусть будет приоткрыта. Ждите!

Свет вскоре погас и сразу зажегся, это был сигнал. Снегурочка с Дедом Морозом торжественной походкой направились в актовый зал. Николай ждал своего выхода. Когда свет снова погас, а в коридор из зала стали проникать ритмичные звуки «Танца с саблями» Николай понял: «Пора». Настал момент дебюта физрука.

Ворвавшись в зал, он обернулся вокруг ёлки, потом к родителям. Сделал ещё один круг вдоль сидящих вдоль стен малышей. Визг и смех, сопровождавшие его сольное выступление свидетельствовали о неожиданном, но не очень страшном появлении сказочного злодея. Николай очень старался придать своим движениям неуклюжесть и угловатость. Конечно, не обошлось без использования ряда движений из восточных единоборств, которыми он занимался с малолетства. Видимо отчасти это и выдало в Кощее физрука. Слёз с испугом не было. «Пора похищать Снегурку, – решил Кощей». Пока Ворона – соучастница отвлекала Дедушку, злодей схватил внуку за руку, увлекая её за собой ещё на один круг. Снегурочка безнадежно сопротивлялась коварному Кощею, пока детишки пытались докричаться до Деда Мороза. Николай вытащил Вику в коридор. Не отпуская руки Снегурочки, забежал с ней в кабинет.

– Ну, ты даёшь! – выдохнула с облегчением Вика, – меня-то, зачем через весь зал таскал? Вокруг ёлки?

– Что бы все видели, что ты не сама ушла. А что не надо было?

– Не знаю... Ты танцами не занимался?

– Нет. Только единоборствами.

– Это я заметила. Меня уже можно отпустить.

Николай разжал руку, освободив ладонь своей пленницы. В кабинете повисла немая пауза. Вдруг дверь резко распахнулась:

– Я дам знать, когда тебе пора обратно, – проговорила голова Марины в приоткрытую дверь. Она на мгновение замерла, внимательно оглядывая сказочных персонажей, стоявших друг перед другом, и скрылась.

– Тебе ведь больше не выходить? – нарушила тишину Вика.

– Ещё один заход будет, со старшими.

– Ну да, конечно. Значит, пока Кошеем побудешь?

– Конечно, – улыбнулся Николай нарисованным лицом, – и снова украду тебя.

– Ах да, конечно, – Вика ответила улыбкой, глядя в глаза своего похитителя.

Он взял её за руки:

– Не больно было?

– Нет. Смешно.

– Почему?

– А меня давно уже никто вот так не таскал за руку... Разве что мама... в детский сад.

– А мы и есть в детском саду, Лисичка...

– Лисичка? Я Снегурочка. Почему лисичка?

– Не знаю. У тебя сейчас глаза, как у лисички.

В дверь постучали. Из чуть приоткрывшейся щелочки послышался голос Марины:

– Вика, Снегурочку освободили...

– Я иду! – ответила она, не отводя глаз от Николая.

Пятясь к двери, Вика не отводила от него своего взгляда и не пыталась высвободить рук. Коля следовал за ней.

– Кхе-кхе, Кошеем рано! – вмешалась Марина, отсекая рукой Вику от Николая.

Она пихнула физкультурника вглубь кабинета, плотно закрыв дверь.

Через полчаса веселье малышей закончилось. Довольные карапузы, ведомые воспитателями, расходились по своим группам, прижимая к груди новогодние подарки. Дед Мороз

со Снегурочкой вернулись в гримёрку. Марина, освободившаяся раньше, успела заварить чай и распотрошить один из детских подарков – теремков. Александр снял шапку с бородой.

– У-у, конфетки... – потёр он руки, – я ещё не завтракал.

– Шоколадные – девочкам! – распорядилась Марина, – карамель грызи с печеньем.

– Карамель Кощею, у него зубов много. Мне, если никто не возражает – печенье.

Вчетвером, они, весело обсуждая детские выступления и свои оплошности, не заметили, как открылась дверь.

– Посерьёзнее, пожалуйста, – обратила на себя внимание Лидия Сергеевна.

– Мне? – попытался отвлечь внимание директора на себя физрук.

– К Кощею претензий нет, – резюмировала «Хозяйка медной горы», удаляясь из кабинета.

Вторая серия утренника началась, как только новые зрители и участники собрались в зале. Дед Мороз со Снегурочкой вышли в коридор, а злобный Кощей замер у двери в ожидании звуков танца Арама Ильича Хачатуряна. Ему не терпелось похитить у детей Снегурочку. На сей раз это желание буквально горело и колотилось в его груди. Никогда ещё он не испытывал такого чувства. Одновременное нетерпение, волнение, желание и страх. Страх перед ничтожно малым отрезком времени, на которое он сможет украсть Вику. Да, именно украсть. «Вот он, – сигнал!» Под звуки искромётного танца Николай ворвался в актовый зал. В необъяснимых и неповторимых конвульсиях он описал положенные круги, чуть не влетев в ряды с приглашёнными родственниками, схватил Снегурочку, и был таков.

Вбежав в гримёрку, он закрыл дверь, посмотрев на Вику страстным взглядом. На её лице было приятное удивление и нежная улыбка.

– Ты что, я чуть не испугалась, – выговорила она.

– Я тоже.

– Ну ладно, главное, что дети были рады, когда ты напугал родителей.

– Да? Напугал родителей? Я не заметил... Просто, Вика, я действительно хотел тебя украсть.

– Я это поняла...

– Я украду?

– Попробуй.

Весь оставшийся день Николай провёл с Викой. Он украл её у Александра, который после утренника всё же сходил за своим автомобилем, чтобы погрузить в него театральный реквизит с очаровательным преподавателем английского языка. А Вика с Николаем уже гуляли в ближайшем лесопарке, поедая мороженое. Потом катались с горок, весело радуясь прекрасному зимнему предновогоднему дню. Заснеженные и замёрзшие, они отогревались в палаточном кафе. Снегурочка, вплотную придвинувшись к тепловой пушке, совсем не боялась растаять. Пар от горячего чая окутывал её раскрасневшееся лицо, превращая снег на одежде и ресницах в искрящиеся капельки. Николай бережно обнял её озябшие руки своими:

– Таешь?

– Наверное...

Хирургия

Часть 1. Реанимация

«Ну, вот и проснулись. Необычное для меня утро. Кажется, ночью я даже не пошевелился. В этом положении отключился вчера, в этом же положении проснулся сегодня. Какое хорошее утро. Должно быть даже замечательное. Чистое весеннее небо с чёрными ветками деревьев, – это всё, что мне видно в окно. Набухших почек с молодыми листьями на ветвях этих деревьев мне не видно, но они там есть, я знаю. Они набухают, наполняясь соком, подготавливаются к новой жизни. Жаль, что в этом году моя весенняя охота, кажется, не состоится. Да, что там, кажется, не состоится, это точно. А как хотелось бы вдохнуть полной грудью всю свежесть наступившей весны. Прозрачная синева неба, словно разбита на множество осколков недвижимыми ветвями деревьев. Этот ограниченный пейзаж, картиной во всю стену, единственное, что мне видно в огромное окно реанимации. А ведь за окном апрель. Весенняя утиная охота, день рождения сына. Неужели я не смогу его поздравить дома? Кто знает, насколько я здесь задержусь. Ещё мне в окно видна крыша невысокого строения. Кто-то сказал, что это здание морга. Кто говорил? Кому? В памяти не сохранилось. Запомнилось, что морг. Удачное расположение, прямо под окнами реанимации, – бодрит. Хорошо, что видна только крыша и мне не придётся вести отрицательную статистику этого славного медицинского учреждения, приютившего меня на неопределённое время. Всё-таки интересно, на какое?»

– Как себя чувствуешь? – Залетел в палату дежурный врач, которого я вчера немного напряг.

– Нормально.

– В окно не сиганёшь?

– В окно? Зачем? – не понял я его.

– Так, шутка. Откачивал я тут одного, а он в окно собрался прыгать.

– А я здесь причём?

– Да так просто. Вот здесь расписаться надо, – он положил рядом со мной бумаги, протягивая ручку.

– За что?

– Согласие на операцию, на переливание крови, отказ от претензий, и прочее.

– Так мне ж ничего не переливали. У Вас крови-то не было...

Я вспомнил, как поступил в больницу. Отравившись накануне вечером, видимо курицей, а возможно и поранив свой пищевод мелкой костью, при поедании пернатой, не слишком тщательно пережёвывая её плоть, меня стошнило утром. Капля крови в тазике тогда не вызвала у меня особой тревоги. Я сполоснул его и, поставив у кровати снова лёг. Это недомогание внесло коррективы в мои субботние планы, но я ещё надеялся, что не на весь день. Когда вдруг стошнило во второй раз, крови оказалось больше, это заставило вызвать «Скорую помощь». Медики приехали довольно быстро, вернее один медик. Молодой врач, или фельдшер, я не силен в медицинской терминологии, не нашёл у меня ничего кроме отравления. Но, как по заказу, меня вдруг стошнило кровью в пластиковый тазик прямо у него на глазах. Это уже была не капля. Крови было так много, что врач перепугался не на шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.